

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Сандроне ДАЦИЕРИ

«Убить Отца»
Сандроне
Дациери —
это аномальный
триллер
для любителей
детективного
жанра.

Массимо Полидоро

УБИТЬ ОТЦА

Сандроне Дациери Убить Отца

Серия «Звезды мирового детектива»
Серия «Коломба Каселли», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43302935
С. Дациери. Убить Отца: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»; Санкт-Петербург; 2019
ISBN 978-5-389-17076-6*

Аннотация

В парке в пригороде Рима исчез ребенок. Недалеко от места, где мальчика видели в последний раз, найдено тело его матери. Следователи подозревают главу семейства. Прибывшая на место преступления Коломба Каселли категорически не согласна с официальной версией. Однако ей приходится расследовать дело частным образом, ведь после трагических событий, связанных с гибелью людей в парижском ресторане, она готова подать в отставку. И все же руководитель отдела знакомит Коломбу с Данте Торре, экспертом по поиску пропавших без вести лиц и жестокому обращению с детьми. Говорят, что он гений, хотя его дедуктивные способности осложнены многочисленными фобиями и паранойей, поскольку в детстве Данте тоже похитили. Поиски быстро прекратили, и полиция сочла, что мальчик погиб.

На самом деле он много лет провел в заточении, в силосной башне, и единственным, кого он видел за долгие годы, был таинственный человек, скрывавший свое лицо. Данте называл его Отцом. И в новом деле об исчезновении ребенка явно проступает почерк Отца.

Содержание

I. Ранее	6
II. Каменный круг	10
III. Ранее	47
IV. Старые друзья	55
V. Ранее	162
VI. Домашние визиты	168
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Сандроне Дациери Убить Отца

Sandrone Dazieri

Uccidi Il Padre

© 2014 Sandrone Dazieri

© Л. А. Карцивадзе, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Ольге, которая выстояла

I. Ранее

Мир – круглая стена из серого бетона. В мире глухие и гулкие звуки. Мир – окружность вдвое шире распростертых рук. Первым, что мальчик выучил в этом круглом мире, были его новые имена. Имен у него два. Он предпочитает, чтобы его звали Сыном. Это имя он заслуживает, когда все делает правильно, когда слушается, когда мысли у него ясные и быстрые. В противном случае его имя – Скотина. Когда мальчика зовут Скотиной, его наказывают. Когда мальчика зовут Скотиной, он мерзнет и голодает. Когда мальчика зовут Скотиной, круглый мир воняет.

Если Сын не хочет превратиться в Скотину, он должен беречь выданные ему вещи и всегда ставить их на место. Ведро, куда он справляет нужду, всегда должно быть привязано к перекладине, чтобы его можно было быстро опустошить. Кувшин для воды всегда должен стоять в центре стола. Постель всегда должна быть чистой и опрятной, с тщательно заправленным покрывалом. Поднос для еды всегда должен стоять рядом с люком.

Люк – центр круглого мира. Это капризное божество, мальчик боится его и почитает. Люк может в любой момент распахнуться или оставаться закрытым на протяжении нескольких дней. Люк может даровать пищу, чистую одежду и постельное белье, книги и карандаши или су-

рово покарать.

Ошибки всегда наказываются. За мелкие ошибки – голод. За более значительные – холод или невыносимая жара. Однажды стало так жарко, что он перестал потеть. Рухнул на бетон и подумал, что умирает. Его простили, обдав холодной водой. Он снова стал Сыном. Ему разрешили попить и выплеснуть зудящее мухами ведро. Наказывают в круглом мире сурово. Точно и неумолимо.

Мальчик верил в это, пока не обнаружил, что круглый мир несовершенен. В круглом мире есть трещина. Эта трещина длиной с его указательный палец открылась в стене как раз там, где в бетон вделана перекладина, на которой висит ведро.

Несколько недель мальчик не решился рассмотреть ее поближе. Он знал, что она есть, она давила на границы сознания и жгла огнем. Мальчик знал, что заглядывать в трещину Запрещено, потому что в круглом мире под запретом все, что не разрешается напрямую. Но как-то ночью мальчик не устоял. Впервые за долгое время – бесконечно однообразное время круглого мира – он нарушил правила. Осторожно, не торопясь, обдумывая каждое движение. Встал с постели и притворился, что упал.

Глупая Скотина. Негодная Скотина. Он притворился, будто опирается на стену, чтобы подняться, а сам всего на мгновение прижalsя левым глазом к трещине. Он не увидел ничего, кроме темноты, но еще много часов обливался

потом от страха при мысли о непомерности собственного проступка. Много часов он ждал наказания и боли. Ждал холода и голода. Но ничего так и не последовало. Мальчик был потрясен. В эти часы неопределенности, превратившиеся в бессонную ночь и горячий день, мальчик понял, что не за каждым его действием наблюдают. Не каждое действие взвешивают и оценивают. Не за каждое действие вознаграждают или карают. Он почувствовал себя одиноким и потерянным, как в самые первые дни в круглом мире, когда была еще сильна память о том, что было Раньше. Когда не было стен, а его звали по-другому, не Скотиной и не Сыном. Мальчик почувствовал, что все его убеждения рухнули, а потому осмелился взглянуть опять. На второй раз он прижался глазом к трещине почти на целую секунду. На третий раз – на один вздох. И увидел. Увидел зелень. Увидел синеву. Увидел похожее на свинку облако. Увидел красную крышу какого-то дома.

Сейчас мальчик стоит на цыпочках и, опираясь ладонями о холодный бетон, смотрит снова. Там, снаружи, светло, – конечно, это свет зари, думает мальчик. И там, снаружи, что-то движется. Темная фигура становится все больше и ближе. Внезапно мальчик понимает, что совершает самую страшную ошибку, самый непростительный проступок.

Мужчина, идущий по лужайке, – это Отец. Отец смотрит прямо на него. Будто услышав его мысли, Отец ускоряет шаг. Отец идет за ним.

И в руке у него нож.

II. Каменный круг

1

Кошмар начался в начале сентября, в субботу, в пять часов пополудни, когда некий мужчина в шортах попытался, размахивая руками, остановить поток проезжающих машин. На голове у мужчины была повязана футболка, защищавшая от пекла, а на ногах болтались потрепанные шлепанцы.

Наблюдая за ним из автомобиля и одновременно сворачивая на обочину, пожилой патрульный причислил мужчину в шортах к «полоумным». После семнадцати лет службы и нескольких сотен не мытьем, так катаньем утихомиранных пьянчуг и прочих буйных граждан он наловчился в два счета распознавать полоумных. А у этого типа, вне всяких сомнений, поехала крыша.

Не успели двое полицейских выйти из автомобиля, как мужчина в шортах осел на дорогу и свернулся клубком, что-то невнятно бормоча. Он казался измотанным и, похоже, страдал от обезвоживания, поэтому молоденький патрульный, проигнорировав брезгливый взгляд напарника, дал ему попить, достав бутылку воды из кармана на дверце машины.

После этого слова мужчины в шортах наконец удалось

разобрать.

– Я потерял жену, – повторял он. – И сына.

Мужчину звали Стефано Мауджери. Этим утром он с семьей отправился на пикник за несколько километров отсюда, в Пратони-дель-Виваро. После раннего обеда он задремал, убаюканный свежим ветерком. Когда он проснулся, оказалось, что жена и сын исчезли.

Три часа он бродил кругами, безуспешно разыскивая своих, и в итоге, совершенно потерявшись и едва не свалившись с солнечным ударом, оказался на обочине дороги. Пожилой полицейский, слегка сбитый с толку, спросил Мауджери, почему он просто не позвонил жене на мобильник, на что тот ответил, что звонил, пока его телефон окончательно не разрядился, но все время попадал на автоответчик.

Теперь пожилой полицейский смотрел на Мауджери уже с меньшим скептицизмом. На срочных вызовах ему не раз приходилось выслушивать истории про сбежавших с детьми под мышкой благоверных, вот только до сих пор еще ни одна дамочка не бросала супруга посреди поляны. По крайней мере, если онный супруг был жив.

Патрульные отвезли Мауджери обратно к площадке для пикника. Там никого не оказалось. Любители отдыха на природе разъехались по домам, и только принадлежащий Мауджери серый «фиат-браво» одиноко стоял невдалеке от разложенной на траве пурпурной скатерти с остатками еды и игрушкой из мультика «Бен Тен» – способным перевопло-

щаться во всевозможных космических монстров юным супергероем.

Этот Бен Тен на их месте превратился бы в гигантскую муху и пролетел над лугами в поисках пропавших, однако патрульным не оставалось ничего иного, как позвонить в участок и поднять тревогу, инициировав одну из самых масштабных поисковых операций в этой местности за последние годы.

Тогда-то в дело и вступила Коломба. Ее ждал первый после долгого перерыва рабочий день. И явно один из худших.

2

Поджарая, широкоплечая, скуластая Коломба, казавшаяся чуть старше своих тридцати двух лет из-за пролегших вокруг ее зеленых глаз преждевременных морщинок, неизменно притягивала внимание. Один ее любовник как-то заметил, что у нее лицо воительницы, способной скакать на коне без седла и срубать ятаганом головы врагов. Тогда она лишь рассмеялась и оседлала его самого, да так, что у него захватило дух. Однако сегодня, сидя на бортике ванны и не отрывая взгляда от зажатого в руке мобильного, на экране которого высвечивалось имя Альфредо Ровере, она чувствовала себя скорее жертвой, чем воительницей. Начальник мобильного отряда сыскной полиции Ровере, формально остававшийся ее наставником и руководителем, звонил вот уже в пятый раз

за последние три минуты: она ни разу не взяла трубку.

До сих пор в накинутом после душа халате, Коломба уже безбожно опаздывала на ужин к друзьям, прийти на который согласилась после долгих колебаний. Выписавшись из больницы, она большую часть времени проводила в одиночестве. Из дому она выбиралась разве что утром, часто на рассвете, – переодевшись в спортивный костюм, она бегала по набережной Тибра, который протекал под окнами ее квартиры, расположенной в двух шагах от Ватикана.

На набережной приходилось всегда быть начеку: помимо выбоин в мостовой, она должна была огибать то собачье дерьмо, то крыс, молниеносно выскакивающих из куч гниющих отбросов, – однако Коломбу ничуть не раздражали ни крысы, ни выхлопные газы проносящихся над ее головой машин. Хоть туристам этого и не понять, она любила Рим именно за грязь и скверну. После пробежки Коломба иногда заходила за продуктами в мини-маркет на углу, который держали двое выходцев из Шри-Ланки, а по субботам даже добиралась до книжного киоска на площади Кавур, где набивала сумку поддержанными книгами – классикой, детективами и любовными романами, которые читала на неделе. Почти ни одну из этих книг она не дочитывала до конца. Слишком запутанные сюжеты сбивали ее с толку, а слишком незамысловатые наводили сон. Ни на чем она не могла сосредоточиться по-настоящему. Временами ей казалось, что все попросту проходит мимо нее.

Не считая продавцов, Коломба могла за несколько дней не перекинуться словом ни с одной живой душой. Разумеется, она общалась с матерью, но ту достаточно было слушать, и за весь разговор не открыть рта. Изредка ей еще позванивали пара друзей и коллег. В редкие минуты самокопания Коломба понимала, что перегибает палку. От одиночества она не страдала, ей всегда было комфортно одной, но теперь она как будто стала безразлична ко всему миру. Она знала: проблема в том, что с ней случилось, во всем виновата Катастрофа, – но, как ни старалась, не могла пробиться сквозь невидимую пелену, отделяющую ее от остального человечества. В том числе и поэтому она заставила себя принять сегодняшнее приглашение, но в итоге у нее не было сил даже выбрать подходящую одежду, в то время как ее друзья допивали уже по третьему коктейлю.

Дождавшись, пока телефон замолчит, она снова взялась за расческу. В больнице ее очень коротко обстригли, но сейчас волосы отросли почти до обычной длины. Коломба успела заметить, что в волосах пробивается первая седина, когда зазвонил домофон. На несколько секунд она замерла с расческой в руке, надеясь, что ей послышалось, но тут звонок раздался снова. Она выглянула из окна: внизу стояла патрульная машина.

«Вот дерьмо!» – подумала она, схватила мобильник и перезвонила Ровере.

Шеф ответил после первого же гудка.

– За тобой приехали, – сообщил он вместо приветствия.
– Вижу, не слепая, – процедила Коломба.
– Я хотел тебя предупредить, но ты не брала трубку.
– В душе была. И вообще, я на ужин опаздываю. Так что извините, но придется вам отправить водителя туда, откуда он приехал.

– Даже не хочешь узнать, почему я за тобой послал?
– Нет.
– Я все равно скажу. Мне надо, чтобы ты прокатилась в Пратони-дель-Виваро.

– Что там стряслось?
– Не хочу портить сюрприз.
– Одного сюрприза с меня достаточно.
– Следующий будет поинтереснее.

Коломба фыркнула:

– Послушайте, может, вы забыли, но я в административном отпуске.

– Хотя раз за все это время я тебя о чем-то просил? – по-серьезнел Ровере.

– Нет, ни разу, – признала она.
– Может, я пытался тебя заставить раньше времени вернуться, уговаривал остаться на службе?
– Нет.

– Значит, ты не можешь отказать мне в этой просьбе.
– Хрена с два не могу.
– Ты мне правда нужна, Коломба.

По его голосу понятно было, что так и есть. Несколько секунд она помолчала. Похоже, ее загнали в угол.

– Это действительно так необходимо? – наконец спросила она.

– Само собой.

– И вы не хотите рассказать, в чем дело.

– Не хочу влиять на твою точку зрения.

– Мило с вашей стороны.

– Так что? Да или нет?

«Это последний раз», – подумала Коломба.

– Ладно. Но скажите своему человеку, чтоб перестал названивать в домофон.

Ровере отключился. На пару мгновений Коломба замерла, уставившись на телефон, потом предупредила уже смирившегося с ее отсутствием приятеля, что не придет, выслушала его вялые протесты и натянула потертые джинсы и толстовку с «Angry Birds». В таком прикиде Коломбе и в голову не пришло бы явиться на службу. Поэтому она так и оделась.

Она схватила ключи с комода у входной двери и машинально проверила, пристегнута ли к ремню кобура. Пальцы ощутили только пустоту. Коломба сразу вспомнила, что со дня госпитализации ее табельный пистолет хранился в полицейской оружейной, и все-таки молодую женщину накрыло мерзкое чувство: словно споткнувшись о несуществующую ступеньку, она на миг перенеслась в прошлое, когда в последний раз потянулась за оружием, и это ощущение спро-

воцировало приступ паники.

Ее легкие тут же сжались, а по комнате замелькали стремительные тени. Неизменно оставаясь вне поля зрения, тени с визгом крались по стенам и половицам, а она не могла сфокусировать взгляд и лишь ловила их краем глаза. Коломба понимала, что тени ненастоящие, и все-таки чувствовала их каждой клеточкой тела. Ей стало страшно. От слепого, крошечного ужаса перехватило дыхание. Задышавшись, она нащупала угол комода и с силой ударила по нему тыльной стороной ладони. Боль взорвалась в пальцах и ударом тока отдавалась в руке, но растаяла слишком быстро. Она ударяла еще и еще, пока кожа на костяшке одного из пальцев не лопнула и разряд, подобно сердечному дефибриллятору, не запустил ее легкие. Коломба едва не захлебнулась воздухом. Наконец она начала дышать ровнее. Тени исчезли, ужас растаял ледяной испариной на затылке.

Она жива, жива. На протяжении следующих пяти минут она, опустившись на пол, твердила себе эти слова, пока они не обрели смысл.

3

Еще пять минут Коломба, не поднимаясь с коленей, восстанавливала дыхание. Последний приступ паники был у нее много дней назад – да нет, прошло уже несколько *недель*. Приступы начались сразу после выписки из больницы. Ее

предупреждали, что такое может случиться – и частенько случалось с пережившими подобное, – однако, судя по рассказам, она ожидала скорее легкой трясучки и бессонницы. Но первый приступ походил на землетрясение и поразил ее до глубины души, а второй оказался еще сильнее. От нехватки кислорода она потеряла сознание и подумала, что умирает. Приступы повторялись все чаще, иногда до трех-четыре раз в день. Чтобы их спровоцировать, достаточно было всего лишь звука или, например, запаха дыма.

Психолог из больницы оставил ей свой номер на случай, если ей понадобится поддержка. Прямо-таки упрасивал к нему обратиться. Но Коломба не рассказала о приступах ни ему, ни кому-либо еще. Она пробила себе дорогу в мире мужчин, многие из которых предпочли бы, чтобы она приносила им кофе, а не раздавала распоряжения с пистолетом за пазухой, научившись скрывать свои слабости и переживания. И потом, в глубине души она верила, что получила по заслугам – в наказание за Катастрофу.

Заклеивая пластырем разбитую костяшку, Коломба хотела было снова набрать Ровере и послать его на хрен, но так и не решилась. Она постарается, чтобы их встреча была настолько короткой, насколько позволит элементарная вежливость, а потом вернется домой и отправит по почте заявление об отставке, которое давно ждет своего часа в ящике стола. А уж после решит, чем занять остаток жизни. Остается лишь надеяться, что она не станет, подобно некоторым вышедшим

на пенсию коллегам, крутиться возле полицейского участка, лишь бы снова почувствовать себя в кругу семьи.

Бушующая на улице гроза словно сотрясала весь мир. Коломба накинула поверх толстовки ветровку и вышла из дому.

Ожидавший за рулем машины паренек выскочил под ливень, чтобы ее поприветствовать:

– Я агент Альберти Массимо, госпожа Каселли.

– Садись в машину, промокнешь, – сказала она, усаживаясь на пассажирское сиденье возле водителя.

На разыгравшуюся сцену с любопытством глазели из-под зонтов несколько соседей. Она переехала сюда недавно, и не все были в курсе ее профессии. А может, и никто, учитывая ее нелюбимость.

В автомобиле Коломба сразу почувствовала себя как дома: мелькающее отражение проблескового маячка на лобовом стекле, полицейская радиочастота и приклеенные к козырьку фотографии разыскиваемых преступников казались давно не виденными старыми знакомыми.

«Неужто ты и правда готова подать в отставку?» – спросила она саму себя. Нет, готова она не была. Но ничего другого не оставалось.

Альберти включил сирену и тронулся.

– Выруби, – фыркнула Коломба. – Мы не спешим.

– Мне приказано поторопиться, госпожа Каселли, – ответил Альберти, но послушно выключил сирену.

Это был светлокожий парнишка лет двадцати пяти с едва

заметными веснушками. От него пахло лосьоном после бритья – аромат приятный, хоть и не слишком уместный в это время дня. Может, он таскал этот лосьон с собой и намазался специально, чтобы произвести на нее впечатление. Да и форма на нем была уж больно чистенькая и отутюженная.

– Ты новенький, что ли? – спросила она.

– Месяц назад закончил академию, госпожа Каселли, а до этого год прослужил в армии по контракту. Вообще-то, я из Неаполя.

– Поздновато ты начал.

– Если бы я провалил вступительный экзамен в прошлом году, то в этом уже не прошел бы по возрасту. Насилу успел.

– Ну, удачи тебе, – пробормотала она.

– Госпожа Каселли, можно вопрос?

– Давай.

– Как попасть в мобильный отряд?

Коломба скривилась. В мобильное спецподразделение мечтал попасть каждый второй патрульный.

– Во-первых, нужна рекомендация. Подаешь заявление начальству, проходишь обучение в криминальной полиции. Только если туда попадешь, заруби себе на носу, что там не так весело, как ты воображаешь. О нормальном рабочем графике можешь забыть.

– Позвольте спросить, а вам как удалось туда попасть?

– Сдала экзамен в Милане, два года прослужила в участке, потом перевелась в отдел по борьбе с наркотиками в Палер-

мо. Четыре года назад, после назначения Ровере, меня тоже перевели в Рим в качестве замначальника.

– В убойный отдел?

– Послушай моего совета, не говори «убойный отдел», если не хочешь, чтобы все считали тебя *пингвином*. – «Пингвинами» называли желторотых новичков. – Ты кино насмотрелся. Мы – спецподразделение по расследованию убийств, о'кей?

– Простите, госпожа Каселли, – сказал Альберти. Когда он краснел, веснушки становились более заметными.

Коломба решила переключить его внимание.

– Как вышло, что ты разъезжаешь в одиночку? – спросила она.

– Обычно я патрулирую в паре с коллегой со стажем, но тут я добровольно вызвался участвовать в поисках. Это мы с напарником сегодня натолкнулись на Мауджери на провинциальной дороге.

– Просто представь, что я понятия не имею, о чем ты.

Альберти пояснил, в чем дело. Так Коломба узнала о мужчине в шортах и его исчезнувшем семействе.

– Вообще-то, в поисковой операции я не участвовал, а только съездил к ним на квартиру и подежурил возле дома, – закончил Альберти.

– Возле дома Мауджери?

– Да. Если жена и сбежала, то с собой она ничего не взяла.

– А соседи что говорят?

– Ничего толкового, госпожа Каселли, но болтовни я наслушался с три короба, – сказал Альберти и снова расплылся в улыбке. Он не пытался сохранить каменное выражение лица, как обычно делали пингвины, и это говорило в его пользу.

Коломба и сама невольно усмехнулась. После долгого перерыва соорудить на лице подобие улыбки стоило ей немалых усилий.

– Куда едем?

– Координационный центр поисковой операции находится на ипподроме в Виваро. Участвуем мы, карабинеры, пожарные и служба гражданской обороны. Ну и кучка добровольцев, которые в основном только путаются под ногами. Слухи уже поползли.

– Как обычно, – с досадой сказала Коломба.

– Была какая-то подвижка часа три назад. Я видел, как два «лендровера-дефендер» с несколькими полицейскими и магистратом направились в сторону Монте-Каво. Судья Де Анджелис, знаете такого?

– Да.

Судью она знала и была от него не в восторге. Франко Де Анджелис слишком уж обожал появляться на полосах газет. До пенсии ему оставалась всего пара лет. Поговаривали, будто он метит в Высший совет магистратуры и готов ради заветного назначения на все.

– Как далеко Монте-Каво от места пикника? – спросила

она.

– Через лес километра два, а по дороге все десять. Хотите взглянуть на сводку? Распечатка в бардачке.

Помимо прочего, в документе были две взятые из «Фейсбука» фотографии пропавших. Лючия Балестри оказалась поблекшей тридцатидевятилетней женщиной с волнистыми черными волосами. Мальчишка был пухленький, в очках с толстенными стеклами. На снимке он сидел за школьной партой и не смотрел в объектив. Мальчику было шесть с половиной лет. Звали его Лука.

– Пешком до Монте-Каво – не ближний свет. Неужели их с матерью никто не видел?

– Насколько мне известно, нет.

Снова зарядил дождь, и движение тут же замедлилось, но с помощью мигалки они разверзли море машин, словно Моисей воды, и за полчаса добрались до съезда на Веллетри. На глаза Коломбе стали попадаться снующие туда-сюда полицейские автомобили и фургоны службы гражданской обороны, которые по приближении к ограде ипподрома слились в сплошной поток. Конный клуб представлял собой цепочку непритязательного вида одноэтажных построек, возведенных вдоль скаковой дорожки.

Машина с черепашьей скоростью тащилась по дороге, загроможденной служебными и гражданскими автомобилями, автобусами карабинеров, каретами «скорой помощи», автоцистернами пожарных и даже парочкой фургонов телевизи-

онщиков со спутниковыми антеннами на крышах и полевой кухней, над которой поднимался густой столб дыма.

«Только тира да аттракционов не хватает», – подумала Коломба.

Альберти притормозил за каким-то трейлером.

– Приехали, госпожа Каселли, – сказал он. – Господин Ровере ждет вас в оперативном центре.

– Ты там уже побывал? – спросила она.

– Да.

– Проводи меня, так быстрее будет.

Оставив машину на ручнике, Альберти повел Коломбу между заброшенных с виду построек. Оттуда доносилось конское ржание, и ей оставалось лишь надеяться, что навстречу им не вылетит какая-нибудь обезумевшая от грозы лошадь. Они подошли к одному из строений, которое охраняли двое полицейских в форме. Те кивком поприветствовали Альберти и проигнорировали Коломбу, приняв ее за штатскую.

– Жди здесь, – сказала она и без стука распахнула дверь, на которой висела бумажка с надписью «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИЦИЯ. БЕЗ ДОКЛАДА НЕ ВХОДИТЬ».

Она вошла в заставленное металлическими стеллажами помещение архива. За четырьмя необъятными конторками расположились полдюжины агентов в форме и в штатском, каждый из которых говорил по рации или по телефону. Над развернутой на столе картой склонился Альфредо Ровере –

невысокий мужчина лет шестидесяти с аккуратно зачесанными назад редеющими седыми волосами. Она заметила, что его ботинки и брюки по колено забрызганы грязью.

Сидевший у входа полицейский поднял глаза и узнал Коломбу.

– Госпожа Каселли! – вскочив, воскликнул он.

Коломба не помнила его имени – только позывной «Арго-03», который он использовал на смене. Все тут же умолкли и уставились на нее.

Коломба через силу улыбнулась и взмахом руки показала им, чтобы возвращались к работе.

– Пожалуйста, не обращайтесь на меня внимание.

Арго пожал ей руку:

– Госпожа Каселли, как поживаете? Нам вас не хватало.

– А вот я по вас не скучала, – неловко пошутила она.

Арго снова взялся за телефон, и вскоре гомон возобновился. Из реплик полицейских она поняла, что вдоль дороги выставлены посты. Странно. Это не входит в стандартную процедуру при розыске пропавших.

Ровере подошел к Коломбе и, глядя ей в глаза, слегка сжал ее плечи. Его дыхание отдавало табаком.

– Отлично выглядишь, Коломба. Правда.

– Спасибо, – ответила она.

Ровере, в свою очередь, показался ей усталым и постаревшим. Под глазами у него набухли мешки, и ему явно не помешало бы побриться.

– Что происходит?

– Все-таки любопытно?

– Нисколько. Но раз уж я здесь...

– Скоро сама увидишь. – Он взял ее под руку и развернул к двери. – Надо найти машину.

– Моя осталась на въезде.

– Не пойдет, нужен джип.

Они вышли наружу, и прислонившийся к стене Альберти тут же вытянулся по стойке смирно.

– Ты еще здесь? – спросил Ровере.

– Это я попросила его подождать, – вмешалась Коломба. – Надеюсь скоро вернуться домой.

– Умеешь водить внедорожник? – спросил паренька шеф.

– Да, господин Ровере.

– Тогда вернись ко въезду и раздобудь джип. Мы тут подождем.

Альберти поспешно повиновался. Стоя под запрещающим знаком, Ровере закурил сигарету.

– Едем в Монте-Каво? – спросила Коломба.

– Вот так и пытайся ничего не рассказывать тебе заранее.

Вечно ты все разнюхаешь, – отозвался он.

– Вы думали, я не догадаюсь побеседовать с водителем?

– Было бы неплохо.

– Ну и что там такое?

– Хочу, чтоб ты увидела своими глазами.

Едва не столкнувшись с мотоциклом дорожной полиции,

во двор задним ходом въехал «дефендер».

– Наконец-то. – Ровере подхватил Коломбу под руку и повел к машине.

Она нетерпеливо вырвалась:

– Мы что, куда-то опаздываем?

– Да, еще полчаса, а то и меньше, и нам будут весьма не рады.

– Почему это?

– Могу поспорить, ты и сама догадаешься.

Ровере открыл перед ней дверцу машины.

– Я всерьез подумываю вернуться домой, – не шелохнувшись, сказала Коломба. – С детства терпеть не могла загадок.

– Обманщица! Тогда бы ты выбрала другую профессию.

– Это я и собираюсь сделать.

– Значит, ты точно решила? – вздохнул он.

– Абсолютно.

– Ладно, потом обсудим. Садись давай.

Смирившись, Коломба уселась сзади.

– Умница, – сказал Ровере, забираясь на переднее сиденье.

Следуя указанием Ровере, Альберти вырулил с территории ипподрома на дорогу Виваро, меньше чем через пять километров свернул на улицу деи Лаги и наконец выехал на шоссе, ведущее к коммуне Рокка-ди-Папа. Промелькнули последние домишки и забегаловка, где под навесом на веранде, попивая кофе, курили полицейские. Все гражданские как

сквозь землю провалились. На глаза попадались лишь люди в форме и военные автомобили. Проехав еще километр, они выехали на дорогу к Монте-Каво.

Наконец они остановились: вокруг не было ни души. Где-то в конце тропинки сквозь кроны погруженных в сумрак деревьев просвечивали лучи прожекторов.

– Дальше пойдем на своих двоих, для джипа здесь слишком узко, – сказал Ровере и достал из багажника два ручных фонарика.

– Мне что, искать спрятанные записки?

– Не отказался бы хоть изредка получать столь явные подсказки. – Он протянул ей фонарик.

– Какие еще подсказки?

– Имей терпение.

Они пошли по тропе меж деревьев, ветви которых сплелись в зеленый свод. Теперь, когда дождь перестал, наступила почти полная тишина, в воздухе веяло влажностью и гниющей листвой. Запах напомнил Коломбе, как в детстве они вместе с дядюшкой (ныне давно покойным) ходили по грибы. Ей так и не удалось припомнить, нашли ли они тогда хотя бы парочку.

И без того запыхавшийся от ходьбы Ровере снова закурил.

– Вот она, Священная дорога, – произнес он.

– Вы о чем? – спросила Коломба.

– Эта дорога когда-то вела к римскому храму. Видишь? Еще можно различить древнюю кладку. – Ровере навел фо-

нарик на серые, стертые от времени базальтовые плиты. – Три часа назад одна из поисковых групп прошла по этой аллее до обзорной площадки.

– Какой обзорной площадки?

Ровере направил луч фонарика на темнеющие впереди деревья:

– Вон той.

Коломба, пригнувшись, пробралась сквозь заросли, и перед ней открылась просторная каменная терраса, огражденная железным парапетом. Десятью метрами ниже простиралась заросшая соснами и каменными дубами поляна. Между узкой дорожкой и деревьями были припаркованы два «дефендера» и полицейский фургон для перевозки технического оборудования. Снизу доносился приглушенный рокот дизельного генератора, от которого работали прожектора, и отзвуки голосов.

– Ребята заметили их по чистой случайности. – Ровере показал куда-то вниз, и она посветила за парапет.

На краю темноты мелькнул светлым бликом одинокий камень. Поначалу ей показалось, что за кустарник зацепился пластиковый пакет. Выхватив его из сумрака лучом фонарика, она поняла, что приняла за пакет пару свисающих с ветки и медленно покачивающихся на ветру бело-синих кроссовок. Даже на расстоянии видно было, что обувь детская, не больше двадцать восьмого или тридцатого размера.

– Значит, мальчик там упал? – спросила Коломба.

– Присмотрись получше.

Приглядевшись, она заметила, что кроссовки не просто зацепились, а привязаны за шнурки. Она обернулась и посмотрела на Ровере:

– Кто-то их сюда повесил.

– Именно. Поэтому группа спустилась. – Он указал на тропинку. – Можешь пройти здесь, только поосторожнее, спуск крутой. Один из ребят лодыжку подвернул.

Ровере пошел впереди, заинтригованная Коломба невольно двинулась следом. Кто повесил там кроссовки? И зачем?

Внезапный порыв ветра обдал ее водяными брызгами, и Коломба вздрогнула. Легкие сжались.

«Не хватит ли приступов на сегодня? – подумала она. – Вот вернешься домой и паникуй сколько хочешь. Можешь даже поплакать опять. Только, пожалуйста, не сейчас».

Она сама не знала, к кому обращается, и понимала только, что здешняя атмосфера начинает действовать ей на нервы. Ей захотелось как можно скорее уехать. Пройдя мимо деревьев, они оказались на заросшей чахлым кустарником и ежевикой крутой насыпи, размеченной полукругом из крупных камней. Возле одного камня собралось человек десять, включая Франко Де Анджелиса и замначальника Центрального следственного управления Марко Сантини. У подножия валуна что-то фотографировали два типа в белых комбинезонах. На груди у них красовалась эмблема отдела анализа тяжких преступлений, и Коломба разом все поняла. В

глубине души она предчувствовала это с самого начала. Ведь поиск пропавших – не ее конек, она занимается расследованием убийств. Она подошла поближе. Валун отбрасывал темную заостренную тень на скорченную на земле фигурку.

«Только бы не ребенок», – мысленно взмолилась Коломба. Ее молитва была услышана.

Труп принадлежал женщине. Она была обезглавлена.

4

Тело лежало на животе: ноги скрещены, одна рука поджата под себя, другая обращена ладонью к небу. Шея оканчивалась зияющей бордовой раной. В свете прожекторов поблескивала влажной белизной обнаженная кость. На расстоянии метра лежала голова, обращенная лицом к телу.

Подняв взгляд от трупа, Коломба обнаружила, что остальные смотрят на нее.

Сантини, пятидесятилетний мужчина спортивного телосложения с тонкими усиками, был явно взбешен.

– А тебя кто сюда звал? – спросил он.

– Я, – ответил ему Ровере.

– И с какой стати, осмелюсь спросить?

– Для повышения квалификации.

Сантини воздел руки к небу и отошел прочь. Коломба пожала руку судьё.

– Славно, славно, – рассеянно проговорил тот и почти тут

же под благовидным предлогом удалился, утащив за собой Ровере.

Издалека Коломба видела, как они вполголоса о чем-то спорят.

Остальные – кое-кто ее узнал, а другие о ней только слышали – продолжали глазеть на нее, пока к ней на выручку не пришел, материализовавшись из сумрака, Марио Тирелли. Судмедэксперт был высоким сухопарым человеком в рыбацкой панаме. Он жевал лакричный корень. Тирелли неизменно имел при себе запас лакрицы в серебряном портсигаре, который был едва ли не старше его самого.

– Как ты? – сжав ее ладонь ледяными руками, спросил он. – Я страшно соскучился.

– И я по тебе, – откликнулась Коломба. – Я до сих пор в отпуске, так что не больно-то радуйся.

– Тогда что ты забыла здесь в такую погоду?

– Как видно, я позарез понадобилась Ровере. Лучше расскажи, что тут делают *они*.

– Ты про управление или про аналитиков?

– Да про всех. По идее, они должны заниматься организованной преступностью или серийными убийствами. А тут всего один труп.

– Строго говоря, если повелит начальство, они хоть пропавших кошек будут разыскивать.

– А Де Анджелис – закадычный дружок Сантини.

– И они охотно друг друга прикрывают. Видимо, крими-

налистам Сантини не доверяет, вот и приволок этих клоунов в белых комбинезонах. Если ему повезет, не придется ни с кем делить лавры.

– А если не повезет?

– Свалит все на вас.

– Вот же дерьмо сволочное!

– Сантини в своем репертуаре. А ты бы лучше отдыхала, чем в это дерьмо вляпываться.

– Да и ты тоже. Ты разве не вышел на пенсию?

– Я тут в качестве консультанта. Мне не по нраву сидеть дома и читать детективы, а кроссворды решать я не умею, – улыбнулся Тирелли. Он был бездетным вдовцом и предпочел бы умереть со скальпелем в руке. – Хочешь, расскажу про эту женщину, или так и будешь делать вид, что тебе все до лампочки?

– Выкладывай.

– Ее обезглавили холодным оружием с изогнутым клинком. Чтобы отделить голову от туловища, убийца нанес как минимум четыре-пять ударов между вторым и третьим шейным позвонком. Скорее всего, смертельным оказался уже первый удар, нанесенный под затылочную кость, когда женщина еще стояла.

– То есть ее ударили сзади.

– Судя по направлению удара, да. Она моментально потеряла сознание и через минуту умерла. Судя по степени трупного окоченения, убийство произошло сегодня после полу-

дня, но из-за дождя время точно не определить. Я бы сказал, между тринадцатью и восемнадцатью часами. Вот увидишь, умники-аналитики назовут время смерти с точностью до секунды, — язвительно добавил он.

— Никаких следов борьбы, — сказала Коломба. — Она явно доверяла убийце, иначе успела бы хоть немного обернуться до убийства.

— Он напал неожиданно и окончательно обезглавил ее после того, как она упала на землю.

Воспользовавшись тем, что Сантини и прочие отошли от трупа, Коломба вернулась, чтобы повнимательней взглянуть на тело. Она осмотрела его машинально, почти не задумываясь, что делает. Тирелли последовал за ней.

— Одежду с нее не снимали и не одевали ее заново, — произнесла Коломба. — Признаки посмертного изнасилования отсутствуют.

— Согласен.

Она рассмотрела голову вблизи. Глаза повреждены не были.

— Никаких признаков проникновения в рот и уши.

— Слава тебе господи...

— Думаешь, мальчик все видел?

— Пока неизвестно. Его еще не нашли.

— Его похитил убийца?

— По всей вероятности.

Коломба покачала головой. Она терпеть не могла, когда в

такие дела оказывались замешаны дети. Обернувшись, она снова взглянула на место преступления:

– С сексом это не связано. Над телом не надругались.

– По-твоему, обезглавливание надругательством не считается?

– Помимо этого, признаки насилия отсутствуют, на женщине ни царапины.

– Может, ему хватило и того, что он натворил, – сказал Тирелли.

Не успела Коломба ответить, как один из прочесывавших кусты экспертов крикнул из зарослей:

– Эй! Сюда!

Все, включая в очередной раз пошедшую на поводу у собственных рефлексов Коломбу, кинулись к нему. Эксперт поднял садовый нож, держа его за лезвие кончиками затянутых в перчатку пальцев. Сантини нагнулся и пригляделся:

– На лезвии небольшие сколы, возможно от контакта с костью.

– Тебя ждет большое будущее в качестве заточника, – произнесла Коломба.

На скулах Сантини выступили желваки.

– Ты еще здесь?

– Нет, у тебя галлюцинации.

– Главное, ничего не трогай. Меньше всего нам нужно, чтобы ты и здесь облажалась.

К лицу Коломбы прилила кровь. Сжав кулаки, она шагну-

ла вперед:

– А ну-ка повтори, урод.

Обнаруживший нож эксперт примирительно вскинул руку:

– Ладно вам, завязывайте с этим детским садом.

– Да она же психопатка, не видишь, что ли? – сказал Сантини.

Тирелли положил ладонь Коломбе на плечо.

– Оно того не стоит, – прошептал он.

Коломба медленно выдохнула:

– Пошел на хрен, Сантини. Делай свою работу и представь, что меня здесь нет.

Сантини хотел было ответить колкостью, но ничего достойного ему на ум не пришло. Он кивнул на нож:

– Может, это оно?

– Может, – отозвался Тирелли.

Эксперт провел по клинку ватной палочкой. Хлопок окрасился в темно-синий: кровь. Он убрал нож в пакет и снабдил соответствующим ярлыком. Лаборатории еще предстояло сопоставить кровь с ДНК жертвы, однако, по мнению Коломбы, вероятность ошибки стремилась к нулю. Тирелли последовал за экспертом, а Сантини, которого позвал какой-то полицейский в форме, исчез где-то в направлении дороги. Коломба осталась стоять возле кустов в одиночестве. Пока она прикидывала, не стоит ли послать все к чертям собачьим и вернуться к машине, из-за деревьев раздался шорох и про-

жектор выхватил из темноты бледное, покрытое испариной лицо Альберти. Он вытирал рот бумажной салфеткой.

Коломба поняла, что его стошнило, и пожалела, что бросила парня одного.

– Все нормально?

– Да, госпожа Каселли, – кивнул он, но голос выдавал его с потрохами. – Мне надо было...

– Да уж, представляю. Не переживай, со всеми бывает. Впервые видишь труп?

– Нет, – покачал головой Альберти. – Но такого еще не видел... А вы долго привыкали?

Не успела Коломба ответить, как ее позвал Ровере:

– Пошли, а то пропустишь последний акт спектакля.

Коломба похлопала Альберти по плечу:

– Побудь здесь.

Она подошла к бывшему начальнику, стоящему возле одного из самых отдаленных от места преступления валунов. Тела отсюда было не видно.

– О чем это вы?

Собравшаяся около погибшей группа полицейских словно чего-то ждала, особенно нервно улыбавшийся в пустоту Де Анджелис.

– Сейчас появится муж, – сказал Ровере.

Пару секунд спустя они слышали, как заглушили мотор. Из-за деревьев показался Сантини. Его сопровождали двое агентов в форме и недоуменно оглядывающийся по сторо-

нам мужчина в шортах и грязной футболке.

Стефано Мауджери. Судя по изнуренному виду, Мауджери не покидал зоны поисков с момента исчезновения жены.

– Зачем эти кретины его сюда притащили? – спросила она. – Оpoznать тело можно и в морге, когда его приведут в божеский вид.

– Его не на опознание привезли, – отозвался Ровере.

Сантини и двое полицейских подвели Мауджери к валуну. Коломба увидела, как тот нерешительно замялся и наконец застыл как вкопанный.

– Что там за камнем? – спросил он.

«Боже, ему ничего не сказали», – подумала Коломба.

Сантини попросил Мауджери пройти вперед, но мужчина уперся, как гонимое на бойню животное.

– Нет, никуда я не пойду, пока вы не скажете мне, что там. С места не сдвинусь. Я отказываюсь идти.

– Там ваша жена, господин Мауджери, – пристально глядя на мужчину, сказал Сантини.

Мауджери покачал головой, начиная понимать:

– Нет...

Как потерянный, он оглянулся по сторонам. И побежал вперед. Через несколько метров ему преградил путь кордон окруживших тело полицейских. Когда мужчина заплакал, Коломба отвернулась.

– Поехали отсюда, – сказал Ровере за несколько минут до одиннадцати.

К этому времени Мауджеро, поддерживая за плечи, увели, а тело его жены начали упаковывать в пластиковый мешок. Коломба, Ровере и Альберти в полном молчании вернулись к машине.

Наконец джип двинулся. Первой нарушила тишину Коломба.

– Это был грязный трюк, – пробормотала она.

– Но ты ведь понимаешь, зачем они так поступили? – спросил Ровере.

– Не надо быть гением, чтобы догадаться, – сказала Коломба. У нее разболелась голова. Вот уже несколько месяцев она не чувствовала себя такой усталой. – Надеялись выбить из него признание.

Ровере постучал по плечу Альберти:

– Останови здесь.

Они притормозили у кафе, которое проезжали по дороге к Монте-Каво. Под навесом остался только заносивший внутрь столики и стулья хозяин.

– Ты же не откажешься от кофе, Коломба? – спросил Ровере. – А может, хочешь перекусить?

– Против кофе не возражаю, – солгала она.

Чего ей по-настоящему хотелось, так это вернуться домой и обо всем забыть. Почитать брошенную раскрытой на журнальном столике книгу – старое издание романа Джованни Верги «Дон Джезуальдо» – и прикончить дожидавшуюся в холодильнике бутылку «примитиво». Заняться чем-то нормальным, от чего не разило бы кровью и грязью.

Хотя кафе уже закрывалось, хозяин впустил их внутрь. Старая закусочная с деревянными столами и скамейками пропахла хлоркой и прогорклым вином. Внутри оказалось холоднее, чем снаружи. Несмотря на то что стояло лишь начало сентября, Коломбе показалось, что лето кончилось давным-давно. И что они очутились вдали от Рима.

Они сели за столик у окна. Ровере заказал американо и рассеянно крутил чашку в руках, глядя куда-то сквозь Коломбу.

– С чего они взяли, что убийца – муж? – спросила она.

– Во-первых, с женой и ребенком Мауджери никто в Пратони не видел, – ответил Ровере. – Все опрошенные свидетелиствуют, что видели только его одного.

– Отчаявшийся отец, разыскивающий жену и сына, – гораздо более запоминающееся зрелище, чем обыкновенная семья на пикнике.

– Верно. Однако на данный момент все показания указывают в одном направлении. – Ровере постучал по губам ручкой кофейной ложки. – Во-вторых, в багажнике машины обнаружена кровь.

– По словам Тирелли, женщину убили у валунов, – возразила Коломба. – Обычно Тирелли ерунды не болтает.

– Кровь принадлежит ребенку. Буквально пара плохо отмытых капель. Отец ничего объяснить не может.

– Что еще?

– Мауджери поколачивал жену. В местный полицейский участок трижды поступали жалобы соседей. Месяц назад она попала в больницу со сломанным носом. Сказала, что поскользнулась на кухне.

Голова у Коломбы буквально раскалывалась на части. Чем больше она вникала в эту историю, тем более измаранной себя ощущала.

– Все сходится. Тогда какого хрена я здесь делаю?

– Подумай хорошенько. Женщина не оказала никакого сопротивления.

Мысли ее чуть прояснились.

– Она знала, что муж склонен к агрессии. Но повернулась к нему спиной и даже не попыталась убежать... – На мгновение задумавшись, Коломба покачала головой. – Согласна, это странно, однако подозрений от него не отводит. Можно найти тысячу объяснений.

– Со сколькими убийцами, которых можно отнести к психопатам или социопатам, ты имела дело? – спросил Ровере.

– Была у меня парочка, – преуменьшила она.

– И сколько из тех, кто убил кого-то из родственников, в итоге признались?

– Кое-кто так и не раскололся, – сказала Коломба.

– Но как бы они все ни отрицали, что-то в их поведении подсказывало тебе, что они виновны, правда?

Она неохотно кивнула:

– Лгать не так-то просто. Но домыслы не слишком хорошо смотрятся в полицейских отчетах.

– Да и в суде тоже... И все-таки ведут они себя не совсем естественно. То ляпнут что-то некстати, то сострят, когда должны бы плакать. То плачут, когда должны бы разозлиться. Даже тех, кто вытеснил из памяти момент убийства, можно поймать на непоследовательности. – Он помолчал. – Заметила что-то подобное, когда Мауджери увидел труп жены?

Коломба помассировала виски. Что происходит?

– Нет. Но я же с ним не говорила. Только видела, как он катается в грязи.

– Я присутствовал при первом допросе, когда еще ничего было не известно. Он не лгал.

– Хорошо. Значит, он невиновен. Рано или поздно Сантини и Де Анджелис это поймут и найдут настоящего убийцу.

Ровере тоскливо воззрился на нее:

– А как же мальчик?

– Думаете, он еще жив? – спросила Коломба.

– Думаю, такую вероятность нельзя отменить. Если отец невиновен, значит ребенка похитили с места убийства. А крови в багажнике отца найдется и другое объяснение.

– Если только он не свалился в какой-нибудь овраг, пыта-

ясь сбежать.

– Тогда мы бы его уже нашли. Далеко ли убежит ребенок босиком?

– Как бы там ни было, Сантини наверняка его разыскивает, – произнесла Коломба. – Он же не конченный тупица.

– У Сантини и Де Анджелиса уже есть удобная им версия событий. Будут они, по-твоему, брать в расчет обстоятельства, которые ей противоречат? Я имею в виду сейчас, а не через неделю и не через месяц.

– Вряд ли, – признала она.

– И что станется с мальчиком за это время?

– А вам-то что?

Ровере скривился:

– Я же не робот какой-то.

– Но и не вчера родились. – Коломба подалась к нему. – Вас поставили во главе спецподразделения, потому что вы не только отличный полицейский, но и умеете просчитывать ходы наперед. А совать нос в чужое расследование – плохой ход.

– А кто сказал, что я намерен совать туда *свой* нос? – спросил Ровере.

Коломба треснула ладонью по столу:

– Твою мать! Так это меня вы решили бросить на растерзание?

– Вот именно, – невозмутимо ответил Ровере.

В прошлом у Коломбы не раз случались размолвки с ше-

фом. Как-то раз они настолько поцапались, что дело дошло до криков и хлопанья дверьми. Но никогда еще он так с ней не обходился.

– Напрасно вы затеяли эту поездку.

– Ты сама сказала, что планируешь подать в отставку, значит терять тебе нечего. Ты могла бы совершить доброе дело ради этого мальчишки.

Не в силах усидеть на месте, Коломба вскочила и отвернулась к окну. Прислонившийся к джипу Альберти зевал так широко, что, казалось, вот-вот свернет себе челюсть.

– Ты передо мной в долгу, Коломба, – добавил Ровере.

– Почему вы так настаиваете, чтобы за дело взялась именно я?

– Знаешь, кто возглавляет управление? – вздохнул Ровере.

– Скотти, если ничего не изменилось.

– В следующем году он выходит на пенсию. Знаешь, кто главный претендент на его место?

– Да мне по фигу.

– Сантини. А знаешь, кого прочили на эту должность до него?

Коломба повернулась и ошеломленно посмотрела на шефа:

– Вас?

– Меня. После того что с тобой случилось, Сантини меня слегка обошел. Ладно, если бы человек был стоящий. Но

Сантини попросту не справится.

– А я, значит, должна ради вас подсидеть Сантини, – с отвращением произнесла Коломба. Казалось, Ровере преобразается прямо на ее глазах. С этой стороны она еще никогда его не видела и даже представить не могла, что такое возможно. – Ради вашей карьеры.

– Если все пойдет хорошо, ты спасешь ребенка. Не забывай об этом.

– Если мальчик до сих пор жив и не погибнет, пока я его разыскиваю.

– В этом случае вина падет на того, кто запорол расследование.

– Де Анжелис будет в ярости, если я вмешаюсь.

– В иных обстоятельствах он мог бы добиться твоего отстранения или увольнения. Но в твоей ситуации ничего не сможет поделать, если только ты не нарушишь закон. В любом случае ты всегда можешь сказать, что вмешалась по собственной инициативе, потому что тебя задолбал Сантини, вот и все.

Коломба снова села и откинулась на спинку стула. Ее тошнило и от себя, и от начальника. Но в одном Ровере прав: она перед ним в долгу. В долгу, потому что он единственный, в чьих глазах она не увидела ни тени подозрения и недоверия после Катастрофы. Только скорбь.

– Я буду действовать как частное лицо? – спросила она.

– При необходимости можешь предъявить удостоверение.

Только не привлекай к себе внимания: если что нужно, обращайся сразу ко мне.

– А если я что-то раскопаю?

– Я без лишнего шума передам информацию Де Анджелису.

– Стоит Де Анджелису заподозрить, что он поставил не на ту лошадку...

– И он ее тут же сменит, – продолжил за нее Ровере.

Коломба дотронулась до ноющего виска:

– Но ведь это невозможно. Одна я ничего не добьюсь.

Ровере поколебался, но Коломбе было ясно, что это всего лишь притворство. На самом деле у него был на все готов ответ.

«Неплохо он подготовился, чтобы использовать меня в своей проклятой войне», – подумала она.

– Есть один человек, который мог бы тебе помочь, – сказал Ровере. – Будь ты из тех полицейских, что дорожат своей карьерой, ты бы и близко к нему не подошла, да он, вероятно, тебя и не подпустил бы. Но в твоём случае...

– Кто это?

Ровере прикурил сигарету.

– Слышала о мальчике из силосной башни?

III. Ранее

Громче всех разговаривает молодая парочка в центре зала. К роскоши они не привыкли и решили поужинать здесь в честь первой годовщины свадьбы. Она поглядывает на другие столики, надеясь встретить какую-нибудь знаменитость, он старается не думать об астрономическом счете, который ему выставят. Он и раньше знал, что здесь дорого: ресторан находился на верхнем этаже бутика, в который они и соваться боялись (правда, она-то уже не раз в нем бывала – регулярно заходит, чтобы посмотреть на новые коллекции), а увидев цены в меню, пришел в ужас. И все-таки ему не хочется просить жену умерить аппетит, ведь она ждала этого вечера целую неделю и перемерила все свои купленные на распродажах вещи от «Zara», выбирая наряд.

Ему двадцать семь лет, ей двадцать девять.

В нескольких метрах от них в одиночестве ест суши-сет какой-то немец. Он читает американское издание «Собира-теля костей»¹ и с легким неудовольствием отмечает про себя, что за последние годы совсем позабыл английский. Он с трудом продирается сквозь текст, хотя раньше уже читал этот роман на немецком. Он возглавляет компанию, производящую микрокомпоненты, и ему редко представля-

¹ «Собираатель костей» – триллер американского писателя Джефффри Дивера.

ется случай попрактиковаться. Немец думает, что неплохо бы снова начать заниматься с репетитором, хотя одна мысль об этом нагоняет на него тоску. Он чувствует, что слишком стар, чтобы вновь сесть за парту, и подозревает, что память у него уже не та, что прежде. Он обожает суши и ужинает здесь раз в неделю, обычно в одиночестве.

Ему недавно исполнилось шестьдесят.

За большим круглым столом у окна, тщательно затененного белыми занавесками из органического хлопка, сидят диджей, его подруга, агент и владелец пригородной дискотеки. Они слушают официанта, который, прежде чем раскрыть перед ними меню, осведомляется, нет ли у них аллергии на какие-либо продукты. Диджей собирается сообщить: «У меня аллергия на сырую рыбу», не подозревая, что официант выслушивает эту шуточку почти ежедневно и уже не в силах заставить себя улыбнуться в ответ. Раньше диджей был солистом подростковой группы, одна из песен которой три года назад вошла в топ-десятку хит-парада. Около двухсот ночей в год он играет сеты в модных клубах. Диски большие не продаются, так что крутить пластинки – профессия будущего.

Девушка, держащая его за руку, на которой не меньше колец, чем в Лурде исцелений (все в имидже диджея немного чересчур, включая этническую татушку под затылком и обесцвеченную шевелюру), надеется, что на этот раз он останется на выходные или, может, попросит ее поехать

с ним. Не то чтобы она была его девушкой — он звонит ей, только когда собирается провести ночь в городе, — но она знает, что они на одной волне. Чувствует каждой клеточкой тела. Сегодня днем, после того как они занялись сексом у него в номере, он распахнулся ей навстречу, как маленький ребенок, смеялся и шутил. Разве стал бы он так себя вести с какой-нибудь левой девицей? Он даже признался, что собирается вскоре сменить агента на более толкового и уравновешенного. Такие новости кому попало не доверяют, правда?

Тот самый агент вовсе не дурак и уже чувствует, чем дело пахнет. Мечтая о сигарете, он отчаянно пытается вспомнить название фильма, где Вуди Аллен играет импресарио, которого вечно кидают артисты. Вот уже около месяца диджей упрямо избегает обсуждать планы на будущее, а это, блин, явно тревожный звоночек. Придурик наострил лыжи, стоило ему добиться первых успехов. А ведь за этим стоит его труд, это он сделал тысячи звонков, настаивал и валялся в ногах, лишь бы выбить для диджея побольше эфирного времени. Кто добился для него приглашения на церемонию вручения наград Эм-ти-ви? Кто пристроил его на радио? Агент решил, что после шоу задаст диджею пару вопросов, хотя при мысли о том, что тот ему ответит, у него портится аппетит.

Владелец дискотеки не принимает особого участия в беседе, которая по большей части представляет собой монолог музыканта, рассуждающего о новых тенденциях в му-

зыка, которые он превосхитил, и лишь надеется, что ужин скоро закончится. Что до него, так он считает, что лучший альбом в истории – пластинка «Пинк Флойд» «The Dark Side of the Moon», а новомодные диджеи в подметки не годятся рокерам старой гвардии. Но такое ведь не брякнешь парню, которого уже нанял, заплатив ему две штуки евро черным налом, чтобы он обеспечил народ твоей дискотеке. Тем временем он улыбается девчонке и думает, что она горячая штучка, фигура как у модели, а мордочка наивная. Он так и видит, какие непристойности она могла бы вытворять с таким личиком. Когда диджей свалит, он позволит ей и пригласит поработать промомodelью в своем клубе. «Это отличный шанс пробить себе дорогу в шоу-бизнесе. Только не говори, что никогда об этом не задумывалась. Поверь моему слову».

Диджею двадцать девять лет, агенту тридцать девять, владельцу дискотеки пятьдесят, девушке семнадцать, а официанту двадцать два.

За столиком у входа ожидает десерта пожилая пара: он заказал мороженое со вкусом зеленого чая, она – моти с начинкой из сои и пасты красных бобов, хотя к предыдущим блюдам едва притронулась. Они пришли в ресторан первыми, когда в зале было еще пусто и тихо. Муж не раз спрашивал, все ли в порядке, но она только улыбалась: «Все хорошо, просто у меня сегодня нет аппетита». Они живут вместе уже почти полвека. До пенсии он сделал недурную карьеру

на госслужбе, пока она занималась воспитанием двух сыновей, которые теперь звонят им по крупным праздникам. За эти годы ей изредка приходилось мириться с его изменами, давно прекратившимися и полузабытыми, а ему — с ее периодическими нервными срывами, когда она не находила сил вылезти из постели и лежала с задернутыми шторами, избегая солнечного света. Со временем они так притерлись друг к другу, что все их разногласия сгладились, они слились воедино и очень зависели друг от друга. Поэтому сейчас она не находит слов, чтобы сказать ему, что результаты анализов оказались необнадесивающими: сомнений в том, что у нее опухоль молочной железы, не остается. Ее пугает не столько смерть, сколько то, что он останется в одиночестве. Она переживает, как он справится без нее.

Ему семьдесят два года. Ей шестьдесят пять.

Через два столика от них сидят четыре албанки и мужчина с греческим профилем. Девушки работают в модельном агентстве, а ему платят, чтобы он повсюду их сопровождал. Ужинать с ними перед важными дефиле входит в его профессиональные обязанности. Он присматривает за ними, помогает им, а главное — следит, чтобы они не наделали глупостей. Поэтому он купил им грамм кокаина, и теперь девочки еле дотрагиваются до еды. Сам он не любитель наркоты. Он не употребляет и, будь его воля, поставил бы всех барыг к стенке. Но он также знает, что запрещать девочкам нюхать бесполезно. Если он не купит им кокса, они

достанут его у парней, которые с пакетиками наготове де-
журят в своих «кайеннах» у дома, где живут модели. Запри
девиц в комнате, так они вылезут через окно. Всегда рады
потусоваться и нанюхаться. На кастинги притаскивают-
ся с мешками под глазами и опухшими физиономиями. Кока
отбивает у них аппетит и страх, что они недостаточно
красивы или хороши. Прежде чем распрощаться, он даст им
еще грамм. Остается только надеяться, что на сегодня им
хватит.

Разговор за столом не клеится: девушки едва способны
связать два слова по-английски, зато хохочут без умолку.
Они обсуждают между собой по-албански, не гей ли он, а
может, хочет затащить одну из них в постель. На самом
деле ни то ни другое. Он не гей, просто модели ему не нра-
вятся. По его мнению, они шумные и глупые, он с трудом
отличает их друг от друга. И они наводят на него тоску.

Ему тридцать пять, двум девушкам по девятнадцать,
еще двум – восемнадцать и двадцать.

Метрдотель проводит в зал четверых японцев. Это пред-
ставители одной из популярнейших на Западе сети мага-
зинов по продаже мебели и предметов интерьера в азиат-
ском стиле. Последние семь дней они занимались перегово-
рами с местными оптовыми торговцами. Это была доволь-
но унижительная для них неделя. Похоже, все, что интересу-
ет европейцев, – это стереотипы вроде белых татами, ди-
ванов-фutonов из кедрового дерева и фонариков из рисовой

бумаги.

Многие из оптовиков были неприятно удивлены тем, что их фирма не изготавливает декоративные катаны, а в Японии не осталось самураев. Самый молодой из четырех японцев обещает себе, что, как только сменит работу, разошлет всем клиентам фото своего дома, интерьер которого оформлен в западном стиле, за исключением подаренного родителями жены стола. У него даже «Плейстейшн» нет.

Завтра они летят обратно в Токио, и есть японскую еду в их планы не входило. Но директор магазина пригласил их на ужин, и отказаться они не могли. Сами они предпочли бы местечко повеселее, где можно было бы расслабить узлы на галстуках и посмеяться за бокалом вина. Однако сложилось иначе, и им оставалось лишь смириться.

Японцам пятьдесят, сорок пять, сорок и тридцать шесть лет. Метрдотелю – пятьдесят пять.

Женщина, сидящая лицом к залу, не сводит глаз со входа. Когда кто-то проходит мимо, она поворачивает голову, чтобы ни на секунду не выпускать из виду дверь. С тех пор как она села, она не произнесла ни слова, не сделала ни глотка воды, не взглянула на список дежурных блюд. Она только смотрит, положив одну ладонь на колено, а другую – на скатерть. Когда официант спросил, готова ли она сделать заказ, она ответила, что кое-кого ждет, и на мгновение подняла взгляд на него. Официант не увидел в ее глазах собственного отражения. Они смотрели сквозь него, как

будто его не существовало. Про себя он подумал, что не хотел бы оказаться на месте человека, опаздывающего к ней на встречу. Похоже, она не из тех, кто легко прощает.

Ей тридцать один год, официанту двадцать девять.

И пока женищина с холодными глазами вскакивает из-за стола, диджей готовится отмочить очередную шуточку, немец доходит до сотой страницы романа, молодая жена собирается заказать дегустационное меню из двадцати блюд, японские бизнесмены отказываются отведать саке, а одна из моделей встает, чтобы отойти в туалет и вынюхать последнюю дорожку...

Время замирает.

IV. Старые друзья

1

Мужчина в кожаной куртке вернулся. Он, как обычно, нервно переминался с ноги на ногу на углу улицы Тибуртина Антика. Данте Торре наблюдал за ним со своей застекленной террасы на шестом этаже, безуспешно пытаясь поймать его взгляд. Он знал, что мужчина в куртке прождет еще час, до половины первого, когда перед начальной школой начнут собираться матери, и тогда медленно, шаг за шагом, начнет отходить подальше. Когда двери школы распахнутся, он уже будет в двадцати метрах от толпы. На мгновение задержав взгляд на детях, сбегających по лестнице в объятия родителей, которые за руку поведут их домой, мужчина в куртке исчезнет за древними стенами и покажется снова только два-три дня спустя, в тот же самый час. За время ожидания он успеет покурить по меньшей мере четыре раза, но, если к моменту открытия дверей у него в зубах будет дымиться сигарета, он тотчас же ее затушит.

Единственным, что изменилось за две недели, прошедшие с тех пор, как Данте заметил мужчину впервые, была его одежда. Если раньше он приходил в футболке, то потом пе-

реоделся в байкерскую косуху из кождама с принтом в виде медвежьей морды на спине. Погуглив, Данте узнал, что это куртка дешевой китайской марки.

Данте долго разглядывал мужчину.

– Сколько еще ты будешь ждать? – тихо спросил он и повернулся в кровати лицом к мансардному окну: лужица воды на стекле над ним напоминала череп – два пузырька воздуха вместо глаз и легкая рябь посередине вместо носа.

Он поелозил на матрасе, пока на череп не наложилось отражение его лица. Очертания совпали идеально, но иллюзию тут же разбила упавшая с водосточного желоба дождевая капля. Данте вздрогнул и натянул одеяло до подбородка. Скоро придется включить пылящийся в углу небольшой каталитический обогреватель, без помощи которого поддерживать комфортную температуру на террасе, которую он застеклил и превратил в спальню и по совместительству кабинет, было невозможно. Остальные комнаты были выпотрошены без всякой оглядки на эстетические соображения. Часть стен он снес, а оконные проемы увеличил почти до панорамных. Царящий в квартире хаос скрывали от посторонних взглядов только полупрозрачные кремовые занавески.

К заваленному книгами, газетами и всевозможными папками столу в гостиной был кое-как прислонен велосипед. Столь же шаткие кипы бумаги, некоторые из которых рухнули, образовав завалы из фотографий и распечаток, загромождали пол. Убран и надраен до блеска был только распо-

ложенный в центральной комнате кухонный уголок. Стальные шкафчики, варочные панели, разделочный стол, а также десятки аккуратно расставленных электроприборов делали ее похожей на операционную. На микроволновке лежал ноутбук, подключенный к зарядке.

Помимо него у Данте на террасе имелся настольный компьютер с тридцатидюймовым экраном и второй ноутбук в гостевой, где никогда никто не спал, а на кровати лежал только голый матрас. Здесь он хранил свои «капсулы времени», захлавившие комнату настолько, что невозможно было открыть окно. Данте перестал туда заходить. Он просто подтаскивал коробки к себе с помощью палки-съемника из тех, какими продавцы достают с верхних ярусов одежду, а потом, растянувшись на полу в ванной, проталкивал их обратно на место.

Его снова затрясло от холода.

Он часто размышлял, не переехать ли в теплые страны, где можно спать прямо под открытым небом. Разумеется, путешествовать он готов был исключительно морем. Он не мог и представить себя внутри непроницаемого металлического цилиндра самолета размером немногим больше летающего гроба. И в то же время понимал, что вдали от привычного мира зачахнет, как цветок в темноте.

Тем не менее ближе к зиме он всякий раз сожалел о своем решении остаться. Зимой закрывались веранды ресторанов, кинотеатры и концертные площадки под открытым небом,

исчезали кабриолеты. Зимой все, что он любил, запиралось в герметичные коробки, куда он и ступить не мог без риска душья. Мир становился душным и тесным.

Данте достал из пачки сигарету и щелкнул зажигалкой, зажав ее в больной руке, после чего, приотворив окно, снова выглянул на улицу. Вместе с порывом пахнущего дождем ветра до него донесся шум дороги и соседского радио. Данте в последний раз взглянул на все так же стоящего на углу мужчину в куртке и пробежал глазами по крышам Сан-Лоренцо. Это был один из красивейших районов Рима, и гомон местных зланных заведений ничуть не раздражал Данте. Все равно он почти никогда не засыпал до рассвета, а шум жизни приводил его в хорошее расположение духа.

Человек в куртке отошел еще на шаг. Данте наконец выпростался из простыней и залез под душ. Двигался он легко, грациозно, бесшумно. Стройный, ростом почти метр девяносто, он походил на этрусскую статую. Данте накинул халат на мокрое тело и, сверяясь со внутренним термометром, принял утреннюю дозу таблеток и капель, а потом включил эспрессо-машину и мобильник. Ему тут же пришла эсэмэс. Сообщение от его адвоката Роберто Минутилло оказалось немногословным: «Пожалуйста, взгляни».

Данте вздохнул. Минутилло просил проконсультировать его по одному делу еще на прошлой неделе. Не в состоянии заставить себя с ним ознакомиться, Данте продержал адвоката в подвешенном состоянии целую неделю, прикидываясь

перед самым собой, будто забыл о его просьбе. Но сегодня придется-таки взяться за дело. Продолжая тяжело вздыхать, он сел за компьютер, бегло пролистал присланные адвокатом документы, стараясь не умереть со скуки, и открыл приложенный видеофайл.

На экране появилась выдержанная в пастельных тонах комната, посреди которой стоял стол. На заднем плане угадывались цветные пластиковые кубики и плюшевый медвежонок. За столом сидела девочка лет шести в розовом клетчатом платье, напротив – улыбающаяся ей пятидесятилетняя женщина в очках. Девочка рисовала что-то оранжевым карандашом.

Еще одна женщина, лица которой в кадре было не видно, стояла позади девочки, положив ладони ей на плечи. Женщина в очках была психологом ювенального суда, а та, что стояла сзади, – матерью девочки. Данте промотал ролик, пропустив первые вопросы психолога и ответы девочки, и внимательно посмотрел все остальное. На минуте 4:06 он нажал на паузу, отмотал назад и переключился на полноэкранный режим.

Психолог с улыбкой наклонилась к продолжающей рисовать девочке:

– Мне ты можешь рассказать. Мне можно доверять.

Девочкин карандаш на миг замер над бумагой.

– Это был папа, – сказала она.

Нажав на пробел, Данте остановил видео, вернулся к мет-

ке 4:06 и переключил ролик на замедленное воспроизведение без звука. Теперь он сконцентрировался на руках матери. Ладони двигались, слегка сжимая плечи девочки. Данте свернул видео и несколько секунд смотрел на собственное отражение в экране монитора. Он чувствовал, как по спине стекает холодный пот.

«Вот и все», – подумал он.

Могло быть и хуже. Он отправил эсэмэс Минутилло, пошел к кофемашине и засыпал порцию панамской арабики. Не успел он допить вторую чашку эспрессо, как зазвонил телефон.

– Привет, адвокат, – не глядя на дисплей, сказал в трубку Данте. Во рту ощущалось горько-сладкое с ноткой шоколада послевкусие.

– Ты, значит, всю неделю ломал голову, чтобы ответить словом «нет»? – спросил тот.

– Скажи своей клиентке, пусть поищет других желающих подпортить жизнь ее бывшему мужу. – Данте допил кофе. – Никто эту девочку не трогал.

– Уверен?

– Да.

Данте посмотрел на дорогу: мужчина в куртке почти исчез из поля его зрения. Еще двадцать минут – и он уйдет.

– Девочка утверждает, что отец ее растлил.

– Неужели необходимо это обсуждать? – спросил Данте.

– Да, пока ты меня не убедишь.

Данте фыркнул:

– Есть на теле девочки следы насилия?

– Нет. Но она дала подробные показания. Все, кто их слышал, убеждены, что она говорит правду.

Данте опустошил чашку и наполнил ее в третий раз. Кофеин помогал справиться с побочными эффектами бензодиазепинов.

– Она сама не понимает, что врет. Это не я тебе говорю. Это говорят де Янг, фон Клитцинг, Хаугор, Элтерман, Эренберг, Акерман, Кейн и Пиаже, – монотонно перечисляя фамилии, сказал он.

– Психологи и психиатры. Знаю-знаю. Их изучают на юридическом...

– Тогда тебе должно быть известно, что в возрасте дочки этой женщины, которая *не* является твоей клиенткой, дети умеют отличать правду от лжи только одним способом. Правда – это то, что одобряют родители. Ложь – то, что их расстраивает. Они способны вспомнить вещи, которых никогда не происходило, достаточно лишь правильно спросить. В восьмидесятые годы Стивен Дж. Чечи...

– Вот о нем я не слышал.

– Это еще один психолог из Корнеллского университета. Изучает достоверность показаний малолетних. В рамках своего эксперимента Чечи попросил группу детей постараться вспомнить *тот самый случай*, когда им прищемило палец мышеловкой. Ни с кем из детей подобного не случалось, но,

когда их опрашивали в последующие недели, почти каждый не только это вспомнил, но и приукрасил. Из пальца пошла кровь, мышка убежала... Мне продолжать?

– Нет. То есть мать ее натааскала?

– Это видно по видео.

– В кадре только ее руки.

– Перед тем как девочка отвечает, что это был отец, мать сжимает ей плечи. Потом отпускает и поглаживает. Сначала *давление*, потом *награда*. Девочка понимает, что делает все правильно, и продолжает в том же духе. Психолога попросту облапошили. Или лучше сказать «навешали ей на уши безъязычную лапшу»? Ведь мать девочки – вегетарианка.

– Откуда ты знаешь, что мать – вегетарианка? – с искренним изумлением спросил Минутилло.

– На видео видно ее сумочку. Такие производит одна веганская компания, использующая эконоку вместо обычной. Cruelty free². Если ты не в теме, как я, то, скорее всего, и не услышишь о подобных брендах.

– Ну, это уже домыслы.

– Девочка не употребляет в пищу мясо. Отец указал это в качестве основания для ходатайства об опеке, утверждая, что вегетарианская диета – издевательство над ребенком, хоть и очевидно, что это полный бред. Ты сам прислал это прошение вместе с остальными документами.

– И ты все их прочел?

² Формула, обозначающая, что продукт не тестировался на животных (*англ.*).

– Я прочел вполне достаточно. Значит, все о'кей? Могу отправить тебе счет?

– За десять минут работы?

– Это будут самые дорогие минуты в твоей жизни.

В дверь позвонили. Данте попрощался с адвокатом, бесшумно подошел к входной двери и посмотрел в глазок.

На лестничной площадке стояла женщина лет тридцати с серьезным выражением лица, одетая в обтягивающие джинсы и натянувшуюся на широких плечах пловчихи светлую куртку. Она казалась достаточно сильной, чтобы согнуть в дугу стальной прут. Данте вздрогнул. Ему было неизвестно, кто эта женщина, но в одном он был уверен точно: ее появление не сулит ничего хорошего.

2

Во избежание визитов незваных гостей Данте оформил квартиру на имя Минутилло и сообщал адрес только единицам избранных. Это решение ему пришлось принять после того, как отец одного пропавшего мальчика взялся с криком и слезами караулить его под окнами террасы его старой квартиры.

Женщина приложила зеленый глаз к глазку, и Данте понял, что она заметила за дверью его движущуюся тень.

– Господин Торре, – произнесла она, – я замначальника мобильного спецподразделения Каселли. Мне необходимо с

вами поговорить.

Не будь она из полиции, ее голос с легкой хрипотцой показался бы Данте сексуальным. Он накиннул дверную цепочку и опасливо приоткрыл дверь.

Коломба пристально посмотрела на него и сунула ему под нос удостоверение:

– Здравствуйте.

– Можно посмотреть поближе? – спросил Данте.

– Пожалуйста, – пожала плечами Коломба.

Данте взял корочку здоровой рукой и притворился, будто тщательно ее изучает. Он понятия не имел, как отличить фальшивые документы от настоящих, но интересовало его другое. Ему хотелось взглянуть на реакцию Коломбы. Та казалась невозмутимой. Скорее всего, она и правда та, за кого себя выдает. Данте вернул удостоверение.

– Я что-то натворил? – спросил он.

– Нет. Но я прошу вас уделить мне несколько минут.

– Зачем?

– Я предпочла бы обсудить это внутри, – терпеливо ответила Коломба.

– Но я же не обязан, верно? Я могу просто сказать «нет», и вы мне ничего не сделаете. Вы же не станете выбивать дверь.

– Конечно нет, – улыбнулась она. Данте поразило, как преобразилось ее лицо, с которого на миг слетела вся суровость. Даже если это и не искренняя улыбка, то все равно очень красивая. – Но на вашем месте я бы полюбопытствовала, че-

го я от вас хочу.

– Думаю, на моем месте вы вообще не открыли бы дверь, – сказал Данте.

Коломба напряглась, и Данте понял, что задел ее за живое. Он сделал это намеренно, но, как ни странно, почувствовал себя виноватым. Чтобы избавиться от этого ощущения, он спрятал больную руку в карман и пропустил ее в квартиру.

При виде хаоса в доме Коломба постаралась сохранить нейтральное выражение лица, однако ей это не удалось.

Петляя между книжными завалами, Данте направился в кухню.

– Сделать вам кофе? – спросил он.

– Спасибо, не откажусь.

Он указал ей на стол в гостиной:

– Освободите какой-нибудь стул и присаживайтесь. Какой кофе предпочитаете? Покрепче, помягче, душистый...

– Обычно я пью растворимый, так что любой сойдет.

– Притворюсь, что этого не слышал. – Чтобы загладить допущенную ранее грубость, Данте добавил в смесь горстку мягко обжаренных зерен кофе «копи-лювак». Его частично переваренные зерна собираются из экскрементов питающихся кофейными вишнями индонезийских мусангов³. Знатоки особенно ценят фруктовое послевкусие этого самого дорогого и редкого кофе и считают его лучшим на земле. Как и

³ *Мусанг* – малайская пальмовая куница.

почти все прочие продукты, кофе доставлял ему на дом курьер. – Возможно, обычно вы пьете с сахаром, но сюда его можно не добавлять, – сказал он, закрывая крышку машины, которая начала перемалывать зерна.

– Господин Торре... – натянуто начала Коломба.

Данте оглянулся. Она продолжала стоять посреди комнаты, следя за каждым его движением, словно хищная птица за зверьком.

– Что-то не так? – спросил он.

Коломба кивнула. Во взгляде появилась жесткость, а глаза, как ему показалось, стали еще зеленее.

– Вы не могли бы вытащить левую руку из кармана? Пожалуйста!

– Простите?

– Я заметила, что, с тех пор как я вошла, вы все время держите руку в кармане. Даже когда она могла бы вам пригодиться. Например, чтобы открыть банку кофе.

Разумеется, так и было. Всякий раз, встречаясь с новыми людьми, Данте невольно прятал больную руку.

Судя по языку тела, Коломба чувствовала угрозу. Она инстинктивно сделала полшага вперед и слегка напрягла руки. Правой рукой она стиснула ручку сумки, как будто готовясь бросить ее ему в лицо.

– Пожалуйста, – повторила она.

– Как пожелаете. – Данте продемонстрировал ей больную руку. Она была сплошь покрыта шрамами. Подвижность со-

хранили только большой и указательный пальцы, в то время как остальные, необыкновенно маленькие и без ногтей, прижимались к ладони.

Коломба как-то видела похожую руку у бывшего уголовника, с которым произошел несчастный случай в промышленной прачечной.

– Прошу прощения, – сказала она, отведя взгляд. – Я сегодня что-то нервничаю с самого утра.

– Ничего страшного. – Данте, привыкший подмечать каждое еле уловимое движение собеседников, понимал, что нервозность Коломбы – вовсе не временное явление. С ней явно что-то случилось. Насилие, какое-нибудь происшествие на службе?

«Интересно», – подумал он и снова принялся возиться с чашками. Мокрый после душа, в чересчур просторном черном халате и с зачесанными назад светлыми волосами, он напомнил Коломбе Дэвида Боуи в старом фантастическом фильме.

По комнате распространился аромат кофе. Данте сел напротив нее и поставил на стол две дизайнерские чашки в современном стиле.

«Не хватало только разбить чашку, чтобы дополнить произведенное впечатление», – подумала Коломба, но все-таки сумела, не наделав новых бед, поднести кофе ко рту. У нее кружилась голова, и она чувствовала себя выставленной на обозрение. Отвратительное ощущение. За исключением по-

следних двух дней, она избегала даже ближайших друзей, а теперь ей приходилось обмениваться любезностями в гостях у незнакомца.

– Замечательно, – похвалила она, хотя на ее вкус кофе был недостаточно крепким.

– Благодарю, – улыбнувшись уголком рта, отозвался Данте. – Я не стыжусь своей бедной руки. – В доказательство своих слов он поднял руку перед ее лицом: тыльную сторону ладони покрывала густая сеть рубцов. – Я прячу ее по привычке, чтобы избежать лишних вопросов. Хотя большинство людей слишком вежливы и воспитанны, чтобы их задавать. Или и без того знают, что со мной случилось, так что и спрашивать не приходится. – Он снова улыбнулся. – Вы относитесь к третьей категории. – Глаза Данте заблестели. – Что вам обо мне известно?

– Это допрос? Или любите поговорить на эту тему?

Данте улыбнулся, обнажив белоснежные зубы:

– Скажем так, это поможет нам сэкономить время.

Коломба решила, что после своей оплошности не имеет права спорить.

– Вы из Кремоны. Родились в семьдесят втором. В ноябре семьдесят восьмого, в возрасте шести лет, когда вы играли в одиночестве на стройке за вашим домом, вас похитил один или несколько неизвестных. Вы не могли воссоздать в памяти случившееся, и никто ничего не видел.

– В подвале нашего дома была дверь, ведущая к полю, где

мы играли. Должно быть, по пути туда меня схватили и, вероятно, накачали наркотиками, – сказал Данте.

Коломба кивнула:

– Вас держали в заточении на протяжении одиннадцати лет, большую часть времени в бетонной силосной башне возле фермы в окрестностях Кремоны.

– Не большую часть времени. Всегда. Эта местность называется Аккуанегра-Кремонезе – прекрасное старинное название.

– Вы правы. В восемьдесят девятом вам удалось сбежать. Ваш похититель покончил с собой. Это был фермер по имени Антонио Бодини.

– Ферма принадлежала Бодини, и он действительно покончил с собой, вот только похитил меня не он. По крайней мере, он не был моим тюремщиком.

Коломба удивленно прищурилась:

– Не ожидала, что ошибусь в таком вопросе.

– Вы и не ошиблись. Ошиблось следствие. Я видел своего похитителя в лицо, и он несколько не походил на Бодини.

– Почему вам не поверили?

– Потому что все улики указывали на Бодини, потому что он покончил с собой, потому что я был, скажем так... в тяжелом психическом состоянии.

– Но вы все еще убеждены, что правы.

– Да.

– Было проведено расследование, искали сообщников, –

осторожно сказала Коломба.

– И никого не нашли. Знаю. Но продолжайте же ваш рассказ, я начал входить во вкус.

– Я уже почти закончила. Вы взяли девичью фамилию матери. Какое-то время путешествовали, вляпались в неприятности. Вас судили за драку, нарушение общественного порядка, хулиганство, нанесение телесных повреждений и незаконное ношение оружия.

– Это был всего лишь электрошокер, во многих странах он находится в свободной продаже.

– Только не у нас. В последние восемь лет вы поугомонились. С тех пор никаких нарушений за вами не числится. – Коломба посмотрела ему в глаза. – Достаточно?

Данте под впечатлением откинулся на спинку стула. Коломба ни разу не сверилась с записями. Неплохая память, достойная подготовка.

– Вы столько обо мне знаете, но ничего не знали о моей руке.

– Возможно, я чего-то не заметила.

– Такое невозможно не заметить. По крайней мере, этого не могли не заметить вы. В ваших документах об этом попросту ничего не сказано. – Данте растянул губы в ухмылке. – Видите ли, по руке меня мог бы узнать кто угодно, особенно в маленьком городке вроде Кремоны. Ювенальный суд предпочел не разглашать эту информацию. – Данте уставился на нее. – Сдается мне, что вы не запросили документы в проку-

ратуре. И это тоже весьма странно. Хотите знать почему?

Коломба нехотя кивнула:

– Да.

– Вы не при исполнении.

– С чего вы взяли?

– Вы не вооружены. Если бы вы прятали пистолет за спиной, я мог бы его не заметить, однако в случае предполагаемой опасности вооруженный и прошедший профессиональную подготовку человек обычно держит ведущую руку у кобуры. Вы же схватились за ручку сумки. Не говоря уже о том, что замначальника полиции всегда при оружии, если только он не на отдыхе и не в административном отпуске. Или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – покачала головой Коломба.

– Вы в административном отпуске, не полностью владеете информацией... Вы здесь по личным причинам?

Коломба попыталась сохранить непроницаемое лицо:

– Да.

– Лжете вы из рук вон плохо, значит вам слегка стыдно. Но не будем пока об этом. Что вам от меня нужно?

– В Пратони-дель-Виваро пропал ребенок.

– Женщина убита, муж за решеткой. Я смотрел новости. – Данте старался не показывать, что история задела его за живое. – Тот, кто вас сюда прислал, считает, что муж невиновен, хотя некто, имеющий отношение к расследованию, с ним не согласен. Скорее всего, магистрат. И поскольку отец не зна-

ет, где его сын, и речь вряд ли идет о похищении с целью выкупа, вы собираетесь попросить меня помочь вам в поисках ребенка.

Голова у Коломбы пошла кругом.

– Вы специализируетесь в области розыска пропавших.

– По вашему утверждению.

– Вы занимались как минимум двумя случаями похищений с целью выкупа, пятью случаями принуждения и бог знает сколько раз разыскивали сбежавших из дома детей. Все эти дела вы раскрыли. Иногда вы также беретесь за случаи жестокого обращения с детьми.

– Вы можете это доказать? – с безрадостной усмешкой спросил Данте.

– Конечно нет. Вы используете в качестве посредника юридическую фирму, которая, в свою очередь, привлекает частные детективные агентства либо прячется за адвокатской тайной. Тем не менее слухи о вас ходят, и до того, кто меня прислал, они дошли. Говорят, вы хороши в своем деле.

Данте покачал головой:

– Просто мне помогает собственный опыт.

– Опыт жертвы похищения?

– Видите ли, не считая редких встреч с моим похитителем, одиннадцать наиболее важных для человеческого развития лет я прожил в полной изоляции. Ни книг, ни телевизора, ни радио. Когда я попал на свободу, мир оказался для меня непостижим. Обыкновенное общение было мне чуждо,

как вам, возможно, кажется чуждой жизнь муравейника.

– Мне очень жаль, – искренне произнесла Коломба.

– Спасибо, но не стоит меня жалеть. Начав изучать *внешний* мир, я осознал, что понимаю некоторые механизмы его устройства лучше тех, кто в нем вырос. Чтобы увидеть что-то по-настоящему, бывает необходимо взглянуть со стороны. Я был на это способен, хоть и не по собственной воле. Когда нужно, я умею взглянуть на ситуацию со стороны и сейчас. Если в привычках пропавшего что-то изменилось, я это замечаю и могу по расположению его личных вещей определить, что он любит и чего боится. А также не был ли кем-то или чем-то нарушен обычный распорядок его жизни.

– И, как в моем случае, считываете язык тела.

Данте кивнул:

– Мой похититель всегда носил перчатки и закрывал лицо. Приходилось по одной его позе угадывать, доволен ли он мной или вот-вот накажет. Правду ли он говорит, когда обещает мне еду и воду. Это пригодилось мне при поиске пропавших, о которых вы говорите. Кто-то всегда недоговаривал, и я это видел.

– Почему вы предпочитаете не появляться в суде?

– Вы видели этот дом?

– Вы не можете находиться в замкнутых помещениях, – утвердительно произнесла Коломба.

Данте кивнул:

– Вряд ли хоть один магистрат примет мои экспертные

показания. Не говоря уже о том, что мне меньше всего хотелось бы снова оказаться в центре внимания.

– Я прошу лишь о частной консультации, – сказала Коломба. – Ваше имя не будет фигурировать в деле.

– Нет, госпожа Каселли. Я никогда не соглашаюсь на две вещи: работать над расследованием напрямую и сотрудничать с полицией. А вы просите меня сделать и то и другое. – Данте поднялся и протянул ей здоровую руку. – Приятно было с вами побеседовать. Приходите снова, и я опять угощу вас кофе.

Коломба не сдвинулась с места, и Данте слегка поморщился. Словно сквозь открывшуюся щель она на мгновение увидела его таким, как есть, – жертвой, которая перенесла невообразимое и мучительно воссоздавала свою жизнь из осколков.

«Я должна уйти, – сказала себе Коломба. – Так будет правильно».

Но уйти она не могла.

– Господин Торре, – произнесла она вслух, – разрешите и мне высказаться.

Данте неохотно сел.

– Прежде всего позвольте повторить, что мне действительно очень жаль, – продолжала она. – После всего, что вы выстрадали, вы заслуживаете, чтобы вас оставили в покое до конца дней.

– Сделайте одолжение, не жалейте меня. Терпеть этого не

могу.

– Я просто хочу быть откровенной. Вся эта ситуация нравится мне не больше, чем вам. Я не привыкла вмешиваться в расследования гражданских и не люблю закулисных интриг.

– Что-то непохоже.

– Раз уж об этом зашла речь, то я выпила ваш выжатый из беличьих задниц кофе только из вежливости. Да, я заметила название на упаковке. Хотя я всего лишь сотрудница полиции, но что такое «копи-лювак» – мне известно. И пока вы не объявили мне, каких деньжищ он стоит, скажу вам, что мне известно и это.

– Я не настолько дурно воспитан, – пробормотал он.

– А я не хрупкий цветочек: за тринадцать лет службы я навидалась и наглоталась такого дерьма, что вам и не снилось. Я не сказала всего, что о вас знаю. Я знаю и о том, что произошло с вашими родителями. Пока вы находились в розыске, ваш отец почти не вылезал из-за решетки. А мать покончила с собой, когда вам было сколько? Десять лет?

– Девять, – сухо произнес он.

– В то время моим сослуживцам не удалось ни найти вас, ни даже предположить, что вы все еще живы. На вашем месте я бы тоже обозлилась на полицейских, судей и весь мир. Мы бросили вас и обвинили во всем ваших родителей. Вам пришлось спасаться самому. – Коломба пристально посмотрела на него. – Но неужели вам хотелось бы, чтобы случившееся с вами повторилось с другой семьей?

– По-вашему, вы можете заявиться в мой дом и играть на моем чувстве вины?

– Прошу прощения и за это. Только ответьте, пожалуйста, на мой вопрос.

Данте посмотрел ей в глаза:

– Каждый день умирает около тридцати тысяч детей. Половина из них погибает от голода. Я не в ответе за все зло мира.

Коломба не сводила с него взгляда:

– Сын Мауджери не в Африке. Гораздо ближе.

– Вот и найдите его сами.

– Вы могли бы спасти этого ребенка. Вы же это понимаете?

Данте покачал головой:

– До вчерашнего дня вы даже не подозревали о моем существовании. Скажите мне, кто вас сюда прислал.

Коломба поняла, что, если она надеется чего-то добиться, придется говорить начистоту:

– Начальник спецподразделения Ровере.

– А как зовут придурка из магистрата?

– Де Анджелис.

Данте снова покачал головой:

– У вас и правда неприятности.

– Так вы нам поможете? – спросила Коломба.

Данте изучающе посмотрел на нее:

– Вы правда полагаете, что я могу что-то сделать для ре-

бенка? Или просто хотите втянуть меня в склоки между вашим шефом и судебными инстанциями?

Коломба решила быть искренней до конца:

– Я могу лишь надеяться, что вы сможете вынуть кролика из шляпы, но мне слабо в это верится.

– Вы больше не верите в чудеса?

– Как и в Санта-Клауса, – ответила она, подумав о Катастрофе.

Данте медленно кивнул, словно прочитав ее мысли. В какой-то мере так оно и было. Сидящая перед ним решительная женщина явно скрывала какую-то глубокую боль. И дело было не в том, что Ровере использует ее в своих неблагоприятных и противоречащих всем принятым процедурам целях и, очевидно, в случае чего готов ею пожертвовать, а в том, что она сама на это согласилась. Никто не рискнул бы профессиональным будущим во имя туманной возможности, в которую сам не верит, если он не убежден, что такого будущего у него нет. Коломба оказалась в положении заходящего в пике камикадзе, и перед этим обстоятельством Данте устоять не мог. Он любил драматические и героические порывы, даже самые глупые. А может быть, глупые порывы он любил еще больше.

– Будь по-вашему, – сказал он. – Я готов посмотреть бумаги, которые наверняка лежат у вас в сумочке, и сказать вам свое мнение.

– Спасибо.

– Не спешите благодарить. Сначала вам придется оказать мне услугу.

– Какую? – настороженно прищурилась Коломба.

Данте провел ее на балкон и указал на человека на дороге:

– Займитесь им.

3

Альберти, позевывая, стоял рядом с патрульной машиной, припаркованной в нескольких сотнях метров от дома Данте, возле Аврелианской стены. Коломба велела не ставить автомобиль поблизости, чтобы не привлекать лишнего внимания, и в глубине души Альберти был с нею вполне согласен. В отличие от сослуживцев, которым, похоже, было плевать, он болезненно осознавал, какое беспокойство вызывает у гражданских вид патрульной машины и полицейских в форме. Достаточно было зайти отлить в кафе, как это становилось очевидно.

«Народ нас недолюбливает, – говорил ему пожилой напарник. – Они вечно боятся, что мы их возьмем под арест, причем законопослушные трясутся больше всех. Мы их пугаем». Альберти тогда ответил, что это печально, на что коллега сказал, что он, как и все пингвины, ни черта не смыслит. «Стоит им перестать бояться – и тебе конец, болван, – добавил он. – На одного из наших приходится десять тысяч баранов». Баранами его пожилой партнер величал граждан-

ских, которых по большей части ни во что не ставил.

Альберти спрашивал себя, не станет ли он сам таким же через несколько лет службы. Неужели однажды и он разучится общаться с кем-то, кроме полицейских, а может, даже женится на сослуживице? Он надеялся, что с ним такого не случится. У него были другие планы. По выходным он ночи напролет сидел за MIDI-клавиатурой, подключенной к компьютеру, на котором была установлена программа для создания музыки MusicMaker. Композиции, которые он сочинял и выкладывал на «Фейсбуке» под псевдонимом Руки Блу, набрали уже почти десять тысяч лайков. Денег они еще не приносили, но это лишь вопрос времени.

Пока он уже в который раз зевал, зазвонил его мобильник. На мелодии звонка стоял трек, который он назвал «Time». Звонила Коломба. Будучи официально в административном отпуске, использовать рацию она не могла.

– К вашим услугам, госпожа Каселли.

– Брось машину и иди на угол улицы Тибуртина Антика.

– Что-то случилось?

– Пока нет. Но не привлекай к себе внимания. Я повишу на линии.

Альберти направился, куда было приказано.

– Я на месте, – отчитался он.

По улице перед ним к зданию начальной школы одна за другой спешили мамочки.

– Видишь перед собой вазы с цветами? – спросила Колом-

ба.

– Вижу.

Вазы украшали вход в бар, перед которым были выставлены два столика.

– Там должен стоять курящий мужик в красной куртке.

– Вижу.

Крупный мужчина лет пятидесяти смотрел в противоположную сторону от Альберти.

– Что я должен делать?

– Пригляди за ним, пока я не приду. Не хочу, чтобы он ушел, пока я спускаюсь по лестнице, о'кей?

– Простите, но что он натворил?

– Не задавай бесполезных вопросов, – отрезала Коломба и отключилась.

Альберти подумал, что, поскольку это он стоит в паре метров от мужчины в куртке, ему этот вопрос бесполезным не кажется. Чего ему ожидать? В тот же миг мужчина обернулся и заметил, как Альберти на него глазеет. Даже не скрывая нервозности, он быстрым шагом пошел прочь. Еще пара секунд – и он скроется на одной из боковых улочек.

Альберти пошел за ним.

– Прошу прощения! – крикнул он. – Эй!

Мужчина в куртке притворился, что не слышит. Альберти ускорила шаг и положил руку ему на плечо:

– Я с вами разговариваю.

Мужчина развернулся и с размаху засветил Альберти в

лицо кулаком.

Перед глазами у него потемнело, ноги подкосились. Он упал на задницу, зажав нос, из которого, наполняя рот, хлестала кровь. Когда он снова открыл глаза, прямо перед ним материализовались армейские ботинки Коломбы.

– Жив?

– Да.

Коломба уже вовсю припустила за беглецом.

– Я позвоню в участок... – промямлил Альберти, пытаясь ухватиться за клумбу и подняться на ноги.

– Нет! Не смей ничего предпринимать! – крикнула Коломба и исчезла за углом.

Мужчина в куртке несясь, как на роликах. Коломба заметила его уже на другом конце улицы. Он пролетел мимо овощного киоска, столкнувшись со старушкой, катившей тележку для покупок. Коломба все равно ускорила, протискиваясь сквозь толпу пешеходов и расталкивая тех, кто не успевал уступить ей дорогу. Как давно она не гналась за кем-то по улице? Много лет, с тех пор как ее назначили помощником комиссара в отдел по борьбе с наркотиками, и подчиненные ей агенты не скрывали, что считают, будто выполнять приказы пингвина да вдобавок женщины – ниже их достоинства. После повышения она по большей части участвовала в облавах внутри зданий и вела наблюдение из автомобиля. В долгих засадах. И в четырех перестрелках, на память об одной из которых у нее остался шрам на ноге. Никаких улич-

ных погонь. Теперь же она преследует какого-то типа, сама не зная почему.

Она чуть не сбила мальчишку-велосипедиста, который что-то прокричал ей вслед. Компания юных марокканцев рассеялась, почуяв незримую полицейскую форму. Беглец тем временем ухитрился оторваться от нее еще на пару метров.

Улица, по которой бежал человек в куртке, заканчивалась развилкой, и Коломба поняла, что единственный шанс его сцапать – это броситься ему наперерез через переулки и надеяться на удачу. Едва не врезавшись в гранитный столб, она наугад повернула направо, в сторону наземной железной дороги, ведущей к станции Термини и метро. На месте беглеца она предпочла бы это направление, а не вторую улочку, возвращавшую в тот же район.

Сзади просигналила какая-то машина, но Коломба продолжала без оглядки бежать по проезжей части. За пару метров до перекрестка она поняла, что интуиция ее не подвела: уверенный, что сбросил ее со следа, мужчина в куртке быстрым шагом направлялся ей навстречу. Он в упор не замечал Коломбу, пока она не двинула его плечом так сильно, что он отлетел к стене здания.

– Полиция, – выдохнула Коломба, заломив ему руку за спину. – Руки вверх! Прислоните их к стене!

Мужчина попытался врезать ей локтем. С трудом избежав удара в лицо, Коломба схватила его за локоть и запястье

и попыталась выполнить рычаг локтя, но его рука оказалась настолько мускулистой, что это было не легче, чем сломать дубовую ветвь. Он снова попытался ударить ее, на этот раз в живот. Она отпрыгнула назад, схватила его за шею и несколько раз съездила правым коленом ему по яйцам и в солнечное сплетение.

Мужчина стряхнул ее с себя и сложился пополам.

– Долбаная шлюха... – промычал он между спазмами рвоты.

И тут Коломба допустила ошибку. Она расслабилась, уверенная, что его уделала, но у мужчины еще оставались силы, и он, внезапно рванувшись вперед, схватил ее за горло. Коломба почувствовала, как глотку сдавило и в легких не осталось воздуха. На периферии зрения немедленно взвились, предвещая приступ, гудящие тени.

«Только не сейчас!» Если она потеряет самообладание, ей конец. Она сконцентрировалась на боли в горле, ухватившись за нее, словно за ведущую из мрака нить Ариадны. Прошла всего пара секунд. Мужчина, выкрикивая оскорбления, сжимал ее горло. Коломба ударила его повыше кадыка кончиками четырех сжатых пальцев – в карате этот прием называется *нукитэ*.

Мужчина, охнув, упал на колени: пришел его черед задыхаться. Коломба перевернула его на живот и уселась ему на спину.

– Руки за голову! Руки за голову, я сказала! – осипшим

голосом произнесла она.

– Я ничего не сделал! – прохрипел он.

– Руки за голову, твою мать!

Мужчина повиновался. Пока Коломба его обыскивала, он вдруг залился слезами.

– Я люблю его, люблю, – бормотал он.

– Заткнись, – сказала Коломба, понятия не имея, о чем речь.

Вокруг уже собралась дюжина высыпающих из близлежащих магазинов зевак. Коломба показала им удостоверение:

– Я из полиции, ясно? Совершаю арест.

– Что он натворил? – спросил парень в куфии.

– Руки распускал, такой ответ тебя устроит? – Парень продолжал глазеть на нее, и Коломба, оттянув воротник, продемонстрировала оставленные мужчиной в куртке ссадины и кровоподтеки. – Видишь?

Парень кивнул:

– Только позвольте ему встать, ладно? Вдруг он задохнется. Такое уже бывало.

– Слушай, у меня нет при себе наручников, так что лежать он будет до прибытия моих коллег. – Коломба порылась в кармане в поисках мобильного – его там не было.

«Дерьмо!» – подумала она.

– Кто-нибудь даст мне позвонить?

Коломба вернулась в квартиру Данте три часа спустя, взмыленная после прилива адреналина и раздраженная тем, что пришлось пудрить мозги коллегам из местного участка.

Дверь открылась, и перед ней предстал Данте в черных джинсах и рубашке из эластичной ткани того же цвета. В этом прикиде он казался еще более тощим, все ребра наперечет, и похожим на пришельца.

На диване с ледяным компрессом на лбу растянулся Альберти.

– Вы выглядите не слишком довольной, – сказал Данте, смешивая зерна для очередного кофе. Он достал их из трех разных упаковок и пересчитал, как аптекарь.

– Это не террорист из «Аль-Каиды».

– Я так и думал.

– А что он всего лишь разведенный отец, который хочет увидеть сына, вы не думали?

– Вот только ему нельзя было с ним видаться, так?

– Согласно постановлению суда, ему нельзя приближаться ни к сыну, ни к его матери.

– Думаю, он поколачивал его или ее. Радуйтесь, благодаря вам правосудие восторжествовало. – Данте включил кофемашину и сосредоточил все внимание на льющейся в чашку струе. Как только она наполнилась на треть, он остановил

аппарат. – Чтобы вкус лучше раскрылся, этот кофе нужно пить по чуть-чуть, – пояснил он, втянул в себя аромат и отпил глоток. – Без неуравновешенного отца у ребенка будет гораздо больше шансов прожить нормальную жизнь.

– Если только мать не окажется еще хуже. И если ему не разmozжит голову какой-нибудь случайный прохожий.

– Я не играю в Господа Бога. Я просто разбираюсь с собственными тараканами.

– Отправляя меня в уличную потасовку.

Данте ухмыльнулся:

– Вы отделались легче, чем ваш коллега.

– Эй, он меня врасплох застал, – голосом Дональда Дака прогнусавил Альберти.

– Конечно. – Данте зажег сигарету больной рукой. Два здоровых пальца сжимали зажигалку ловко, как щипцы. – Теперь уж я точно не могу вам отказать.

Коломба достала из сумки папку и протянула ему:

– Даже и не пытайтесь.

Данте сел за стол, открыл папку и принялся листать отчеты.

– Естественно. – Увидев, сколько бумаги было израсходовано понапрасну, он недовольно фыркнул. – Все еще пользуетесь бумагой? Вы же в курсе, что существуют флешки и интернет, правда?

– Хватит ворчать, – сказала Коломба, усаживаясь напротив него.

– Так и будете разглядывать меня все это время?

Коломба приложила палец к губам:

– Тсс. Читайте.

Данте с улыбкой на губах повиновался. В следующие двадцать минут единственными звуками в квартире были затрудненное дыхание Альберти и шелест переворачиваемых страниц. Данте лишь бегло просматривал некоторые из них и разделял на стопки.

Убедившись, что он действительно засел за чтение, Коломба принялась разглядывать гостиную. Кое-что произвело на нее немалое впечатление. Например, сложенные на телевизоре DVD. Сплошь всевозможные второсортные фильмы семидесятых. В свое время ей пришлось подрабатывать в видеопрокате, чтобы оплатить учебу, и она знала, что это барахло не стоит собственной пластиковой упаковки. Должно быть, он приложил немало усилий, чтобы раздобыть диски, потому что на одном из открытых футляров была наклеена этикетка с названием торговавшего по почте американского дистрибьютора. В дальнем углу стояла доставленная курьером приоткрытая коробка со старыми игрушками из киндер-сюрпризов. Коломба предположила, что Данте любит собирать всякий хлам, а может, использует его для какого-нибудь диковинного исследования.

Данте заговорил так внезапно, что она подпрыгнула от неожиданности.

– Предполагается, что это убийство в состоянии аффек-

та? – спросил он.

– Убийство было предумышленным. Он привел ее в уединенную местность.

– Это рациональный поступок. Но он ее обезглавил – это уже поступок безумца. Он не разрубил тело на куски, и это рационально. Также рационально избавиться от испачканной одежды и прикинуться, что не находит себе места от волнения. Но только кретин бросит оружие всего в паре метров от места убийства. Наш дорогой друг полон противоречий. Вы и сами об этом подумали, верно?

– Люди не всегда ведут себя рационально.

– Но и не впадают в состояние аффекта на периодической основе. Теперь о мальчике. Есть у вас что-то из школы? Тетрадки, рисунки?

– Нет.

– Знаете хотя бы, кто его педиатр?

– Знаю, что с ним связывались, чтобы осведомиться о состоянии здоровья мальчика.

– И?

– Никаких особых проблем у него не было.

Данте раздраженно хмыкнул:

– Seriously? Взгляните сюда.

Он разложил на столе стопку распечатанных фотографий сына Мауджери. Это были разнообразные снимки ребенка с годовалого возраста и лет до шести. Последний из них, по всей видимости, был сделан в начальной школе.

– Ничего не замечаете? – спросил Данте.

Коломба открыла было рот, чтобы сказать «нет», как вдруг ее поразило, насколько серьезным казалось лицо мальчика на последнем снимке. Серьезным и собранным. Она переводила глаза с одной фотографии на другую, от новых к более старым. Мальчик словно постепенно разучился улыбаться. При сравнении первого снимка, на котором он, сияя от счастья, бежал в материнские объятия, и последнего, где он был серьезен и собран, преобразование становилось очевидным.

– Он загрустил.

– Не просто загрустил, – сказал Данте. – Посмотрите на его позу. На предпоследнем снимке он как будто не замечает, что отец хочет его обнять.

– Может, это связано с обстановкой в семье. Может, на других фотографиях он выглядит повеселее.

– Нет. Закономерность слишком уж бросается в глаза. Полагаю, вам известна такая болезнь, как аутизм.

– Насколько я знаю, признаки расстройства проявляются в гораздо более юном возрасте.

– Не всегда. Бывает, что первые признаки синдрома Геллера можно заметить только к четырем, а то и к пяти годам.

– Думаете, у сына Мауджери синдром Геллера?

– Возможно. Мне нужно поговорить об этом с его отцом.

– Боюсь, это невозможно.

Данте откинулся на спинку стула:

– Как знаете. Это все, что я могу вам сказать. Кому прислать счет?

– Взгляните хотя бы на предварительную реконструкцию преступления, которую сделали мои коллеги. Там есть полные протоколы всех допросов.

– Я уже их прочел. Возможно, отец лжет, а может, и нет. – Он пожал плечами.

Коломба пристально посмотрела на него. Данте заметил, что, когда ее зеленые глаза становятся такими жесткими, выдержать их взгляд совсем непросто.

– Так прочтите еще раз.

– Что будет, если я не найду никаких зацепок?

– Тогда мне останется лишь надеяться, что моим коллегам повезет больше.

– Но не вам. Вы сдадитесь. Или как раз этого вы и хотите? Просто выйти из игры.

– Сейчас сдаюсь не я.

Данте смерил ее тяжелым взглядом. От него словно повеяло морозом. Коломба поежилась.

– Исходя из фотографий, мне больше нечего добавить, – раздраженно сказал он. – Чтобы что-то прояснилось, мне нужно побывать на месте преступления.

– Не проблема, – ответила Коломба.

– Ошибаетесь. – Данте оглянулся вокруг. – Я уже два месяца не выходил из квартиры. Наберитесь терпения, потому что это займет какое-то время.

– Я не спешу.

– И даже не волнуетесь, – с улыбкой заметил Данте.

– О чем?

– Видите ли, если отец невиновен, значит кто-то разыграл целый спектакль и инсценировал убийство в состоянии аффекта, чтобы подставить его и похитить ребенка. Но у него ничего не вышло, и знаете почему?

– Нет.

– Потому что у него чересчур твердая рука. Ему пришлось сделать несколько ударов, чтобы отделить голову от тела, но он ни разу не промахнулся мимо шеи. На лице женщины нет ни царапины. Рука убийцы ни разу не дрогнула. – Данте улыбнулся, и у Коломбы мороз пошел по коже. – Кто бы это ни был, он убивает не впервые.

5

Данте попросил Коломбу и Альберти выйти из здания первыми, а сам постарался набраться смелости перед спуском по лестнице. Его клаустрофобия не была постоянной. В самые благодатные моменты он мог заставить себя делать самые сложные вещи – например, ненадолго зайти в супермаркет при условии, что в магазине будет достаточно окон и не слишком многолюдно. Но когда он уставал или находился в состоянии эмоционального истощения, выйти из дому становилось почти невозможно.

Его первый психиатр посоветовала ему оценить силу своих приступов по шкале от одного до десяти. Если при симптомах первой степени он мог делать почти что угодно, то при симптомах десятой его приходилось накачивать транквилизаторами, потому что он полностью терял самообладание.

Хотя он постарался не показывать этого Коломбе и ее бесполезному помощнику, сегодня симптомы Данте достигли критического порога – *седьмой степени*. Виноват был как необычный день, так и его собственное стремление произвести хорошее впечатление на эту печальную сотрудницу полиции. Поэтому спуск на шесть лестничных пролетов требовал от него максимального усилия воли. Шесть этажей без окон, с острыми углами и низкими потолками. И без того тесное пространство могут в любой момент заполнить соседи, тогда ему точно не хватит кислорода.

Он понимал, что, как и замкнутое здание или шкаф, лестница не представляет никакой реальной опасности, но его рассудок не мог справиться с дрожащим внутри его перепуганным зверьком. Бывало, он покрывался ледяной испариной, всего лишь услышав скрип лебедки, которая тащит кабину лифта: он представлял, что находится внутри и беспомощно бьет кулаками в стены.

Данте надел плащ и подходящие для блужданий по глинистой почве походные ботинки, вставил в уши наушники и включил на «айфоне» трек с симфонией океанских волн. Подстроив дыхание под их размеренный шум, он захлопнул

за собой дверь и начал спускаться.

Первые два этажа все шло как по маслу. Он поспешно спускался, держась за перила, и море наводняло его слух и разум. Добравшись до третьего пролета, он совершил ошибку – поднял глаза. Лестничный пролет нависал так низко у него над головой, что, казалось, вот-вот его раздавит. Не меньше чем на минуту он застыл на ступеньке, а потом задрал голову и посмотрел вверх, на лестничный колодец. Сквозь слуховое окно виднелся кусочек неба. Данте продолжил спуск, не отрывая взгляда от окошка, а руку – от перил. На пятом пролете он с кем-то столкнулся, и сердце зашлось от ужаса. Он мельком опустил глаза: перед ним стояла соседка. Губы ее шевелились, но ему не удавалось расслышать ни слова. Первым его порывом было вернуться назад, домой, и запереться на замок. Но мысль о Коломбе снова толкнула его вперед. Он натянуто улыбнулся соседке и продолжил спускаться. Оставалось пройти всего один этаж, когда музыку прервал звонок телефона. Данте ответил, вцепившись в поручень.

– Как вы, господин Торре? – спросила Коломба.

– Хорошо, уже подхожу. Сколько времени прошло? – стараясь говорить нейтральным тоном, поинтересовался он.

– Сорок минут.

Данте казалось, что он спускался минут пять, не больше. Или пять лет.

– Скоро буду, – сказал он и разъединился.

Еще этаж. Всего один этаж. Он набрал воздуха, словно собираясь нырнуть под воду, бросился бежать вниз по ступеням и, почти не осознавая, что делает, вышел из дому.

Он на улице. Набрав полные легкие воздуха, Данте подпрыгнул от счастья.

Прислонившаяся к капоту патрульной машины Коломба, скрестив руки, смотрела на него:

– Туго пришлось?

– Немного. Но свежий воздух так *опьяняет*... – Данте, как напружиненный, сделал еще несколько па на тротуаре.

– К психотерапевту походить не пробовали? – спросила Коломба.

– А вы? – отозвался Данте.

Коломба не ответила, но глаза ее стали еще темнее.

– Прошу, – холодно сказала она, открыв перед ним заднюю дверцу машины.

– Я сяду впереди. Мне плевать, если какие-то правила это запрещают. Пристегиваться я не буду, а окно не закрою, даже если польет дождь. Хорошо?

– А своей машины у вас нет? – спросила Коломба. – Может, в ней вам будет удобнее.

– Я вожу только летом. У моей машины нет крыши.

Поездка оказалась долгой. Стоило прибавить скорость, Данте начинал так сильно нервничать, что раз десять Альберти приходилось останавливаться, чтобы выпустить его подышать. Всякий раз Данте делал пару прыжков и отжима-

ний, а потом возвращался в автомобиль, уверяя, что больше это не повторится, но уже через несколько минут бледнел и принимался тревожно елозить на сиденье.

Наконец они добрались до ипподрома. Базу уже свернули, а запрудившие дорогу автомобили рассосались. По дорожке одиноко скакала пара лошадей. В наступившем неправдоподобном затишье Альберти удалось раздобыть еще один «дефендер». Они пересели в джип и двинулись к месту преступления.

Приободренный поездкой, Данте настоял на том, чтобы пройти по Священной дороге в одиночестве. Оставив Альберти охранять машину, Коломба держалась в десятке метров за Данте. Его переполняла энергия и завораживало все вокруг. Он поднимал с земли опавшие листья и камешки и часто сходил с тропинки, чтобы посмотреть вниз. Коломба тем временем позвонила Ровере, чтобы ввести его в курс дел.

– Я предупреждал, что придется нелегко, – сказал он.

– Но не сказали, что он полный псих. Вы бы видели его квартиру.

– И то, что он тебе сказал, тоже бред?

Коломба не ответила. Она пока сама не определилась.

– Есть новости о мальчике?

– Никаких. Связались с родными и друзьями – им ничего не известно. Но первые результаты анализов подтверждают версию Де Анджелиса. Найденная в багажнике кровь принадлежит ребенку, а нож точно взят из дома Мауджери. Он

сам месяц назад купил его, чтобы подрезать дерево в саду, но, по его собственному утверждению, так ни разу им и не воспользовался.

– Не хватает только признания.

– Да, но ордер на арест уже получен.

– Неудивительно. Господин Ровере, мы даром теряем время. Все говорит против Мауджери. Придется вам найти другой предлог, чтобы избавиться от... – Коломба запнулась, едва не произнеся «Сантини». Никогда не знаешь, кто может слушать твои разговоры, будь то на законных основаниях или без таковых. – Сами знаете кого.

– А Торре что говорит?

– Он уже подозревает какой-то заговор.

– Вот видишь.

Данте подошел к обзорной площадке и, на миг опустив глаза за ограждение, пошатнулся. Не успей он схватиться за поручень – полетел бы головой вниз. Коломба поспешно бросила трубку и подбежала к нему:

– Голова закружилась?

Сидя на корточках спиной к перилам, Данте улыбнулся:

– Это так заметно?

– Нет, мне чутье подсказало.

– Сейчас пройдет. – Он сделал несколько глубоких вдохов. – Не ожидал, что здесь так высоко. Я был к этому не готов. Что сказал ваш начальник?

– Что орудие убийства купил сам муж.

– На ноже есть его отпечатки?

– Нет.

Опираясь на поручень, Данте поднялся.

– В таком случае наш убийца мог выкрасть его из дома Мaudжери.

– Немного опрометчиво с его стороны, вам не кажется?

Он пожал плечами:

– Я же говорил. – Данте опасливо посмотрел за перила. – *Он-то* не из пугливых. Где кроссовки?

Коломба показала на кустарник. Теперь к одной из веток была привязана этикетка с номером.

Данте, не отпуская перил, посмотрел на кусты:

– Весьма живописно.

Он резко развернулся и пошел вниз по тропинке:

– Пойдемте, пока не стемнело.

Стараясь не отставать, Коломба последовала за ним. Данте быстро переступал с камня на камень.

– С чего бы хладнокровному, безжалостному убийце так злиться на семейство Мaudжери? – крикнула она ему вслед.

– Вот этого я пока не знаю.

Данте остановился перед окружающими место преступления полицейскими барьерами. Подходы перегораживали две полицейские машины. Один из агентов отбросил сигарету и направился к ним. Пока Коломба вытаскивала удостоверение, Данте нетерпеливо пошел к поляне.

Офицер поздоровался, и Коломба вспомнила, что уже

встречала его несколько лет назад.

– Это еще что за Волан де Морт? – спросил он, кивнув на Данте, который, стараясь не наступать на разметку экспертов, наворачивал круги вокруг валунов. Полы его черного кожаного плаща хлопали на ветру.

– Консультант, – расплывчато ответила она.

– Ну слава богу. Я уж думал, коллега.

Коломба подошла к Данте. Тот взбирался на дерево.

– Детство вспомнили? – спросила она и тут же прикусила язык. – Простите.

– Ничего. В моем детстве были и счастливые моменты. Например, когда Отец был доволен моим поведением, он давал мне горячую еду.

– *Отец?*

– Так он велел его называть. А поскольку вы так его и не вычислили... – Он подтянулся на руках и, поджав ноги, сел на ветку в двух метрах от земли, словно высматривающий добычу гигантский черный ворон.

– Видно вам оттуда что-то интересное? – спросила Коломба.

– Миниатюрный Стонхендж. Лучшего места для ритуального убийства не найти.

– Или для его инсценировки, – произнесла она.

– Как с языка сняли. Как считаете, убийца подвесил на ветку кроссовки до или после того, как убил мать ребенка?

– Маловероятно, что он сделал это до убийства, – ответила

Коломба. – Тогда мать поняла бы, что что-то не так.

– То есть он прикончил человека и тут же занялся украшательством? Хладнокровие я еще могу понять, но это перебор.

– Если кроссовки повесил убийца – возможно, в качестве элемента инсценировки. Либо они могли слететь с мальчика по дороге, и кто-то повесил их на видное место в надежде, что хозяин их заметит.

– А на земле отпечатки остались?

– Почва размокла от дождя, да и людей прошлось немало. Если убийца или мальчик и оставил здесь свои следы, то нам уже их не найти.

– Значит, нам неизвестно, в каком направлении он ушел.

– Если это Мауджери, то он вернулся к месту пикника и притворился, будто разыскивает жену и сына.

– Разве мы не вычеркнули его из списка подозреваемых?

– Вы, может, и вычеркнули. Но не я. Пока у меня одни вопросы.

Данте на несколько секунд задумался.

– Вряд ли убийца ушел в том же направлении, откуда мы пришли. Слишком уж там многолюдно, а он, конечно, не стал бы рисковать, что его увидят.

– Значит, он привязал кроссовки к ветке и повернул назад?

Он покачал головой:

– Возможно. В таком случае его поступок приобретает

еще большее значение, но я не понимаю почему. – Данте оглянулся по сторонам, указал Коломбе на тропинку и легко прыгнул на землю. – Пойдемте, – бросил он и, не дожидаясь ответа, зашагал прочь.

Поражаясь его энергии, Коломба пошла за ним. Дома у нее сложилось впечатление, что он без посторонней помощи и двух шагов ступить не может.

Вскоре они столкнулись с парой грибников с плетеными корзинками.

– Нашли что-то стоящее? – кивнул им Данте.

– Да ничего особенного, – откликнулся один из них.

– Обычно люди ходят за грибами как раз после дождя, – сказал Данте, когда грибники отошли подальше. – Кто-то из них мог столкнуться с убийцей.

– С показаниями никто пока не являлся.

– Потому что он позаботился о том, чтобы не бросаться в глаза. К тому же сомневаюсь, что ваши коллеги потрудились отыскать возможных свидетелей.

– Уж точно не после ареста Мауджери, – признала Коломба. – Но сейчас-то все в курсе о пропавшем ребенке, его фотографии буквально повсюду. Если бы какой-нибудь грибник видел, как мальчик идет в сопровождении какого-то человека, то обратился бы в полицию.

– Вряд ли он шел на своих двоих. – Данте показал на туриста, бредущего невдалеке с обнявшим его за шею полусонным ребенком на руках. – Вам видно лицо ребенка?

– Нет, – сказала Коломба.

– Шестилетние дети уже слишком большие, чтобы сидеть на руках, но особого внимания это бы не привлекло.

– Если, конечно, этот таинственный похититель и правда существует.

– А может, мальчик улетел на пони из мультфильма «Дружба – это чудо»? – Данте ускорил шаг и скрылся за деревьями, так что Коломбе пришлось со всех ног поспешить за ним.

У нее начало побаливать сшитое сухожилие, которое она несколько часов назад перенапрягла, преследуя человека в куртке.

Они вышли на площадь, посреди которой стояла окруженная огромными булыжниками голубая часовенка Богоматери.

– Если ваша гипотеза верна, похититель должен был припарковаться недалеко отсюда, – сказала Коломба. – Если он уехал до темноты, то мог никого и не встретить. Обычно туристы разъезжаются по домам на закате.

Она заметила, что Данте ее не слушает. Его глаза приковал к себе какой-то металлический предмет, свисающий со столба дорожного знака. Коломба подошла, чтобы взглянуть поближе. Это был круглый свисток с матовым металлическим покрытием на пеньковой нитке. Она потянулась к нему, но Данте схватил ее за запястье, сжав ей руку почти до боли. У него была ледяная хватка.

– Не трогайте, – сказал он.

Коломба резко высвободилась:

– А вас попрошу не трогать меня.

Она вдруг заметила землисто-серое лицо Данте.

– Что такое? – встревоженно спросила Коломба.

Когда после нескольких безуспешных попыток ему удалось заговорить, голос его был не громче шепота.

– Когда он меня похитил... Когда Отец меня похитил, со мной была одна вещь. Я нашел ее на лугу, где играл. Это был свисток бойскаута. – Данте перевел взгляд на Коломбу. Но он ее не видел. Он смотрел в пропасть бескрайнего древнего ужаса. – Вот этот, – добавил он, указывая на свисток пальцем.

6

Данте, обняв себя за колени, сидел на обочине. Он не сказал больше ни слова, не сделал ни единого движения.

Коломбе не хотелось бросать его в таком состоянии, но надо было позвонить Ровере. Она не желала, чтобы Данте слышал их разговор.

– Как вы, господин Торре? – спросила она.

Данте, не отвечая и не шевелясь, смотрел в пустоту.

– Господин Торре, мне придется на пару минут вас покинуть. Но я не смогу этого сделать, пока вы мне не скажете, что вы в порядке. – (Снова никакой реакции.) – Данте...

При звуке своего имени он вздрогнул.

– Умирать я не собираюсь, – без всякого выражения произнес он. – Делайте что должны.

Коломба отошла на несколько шагов и снова позвонила Ровере.

– Данте плохо, – сказала она. – Хотя он и раньше чувствовал себя неважно.

– Что случилось?

– Он увидел висящий на столбе свисток и утверждает, будто его туда повесил похититель сына Мауджери. И якобы это тот самый человек, что когда-то похитил его. Торре убежден, что его *настоящий* похититель все еще на свободе.

– Зачем похитителю оставлять там свисток?

Коломба не верила своим ушам. Судя по тону Ровере, он всерьез ломает голову над этим вопросом.

– Понятия не имею. Да и самому Торре, похоже, это невдомек. Короче, я отвезу его домой.

– То есть ты намерена проигнорировать его слова?

– Объясните мне, что еще, по-вашему, я должна сделать?

– Сообщить о находке тому, кто возглавляет расследование.

Коломба недоумевала. Уж не послышалось ли ей?

– Господин Ровере... Торре бредит! Из-за нас он оказался в обстоятельствах, напомнивших ему о его собственном прошлом, и окончательно помешался.

– Этот свисток может быть уликой в деле о похищении и

убийстве, – упрямо сказал Ровере.

– Теперь и вы бредите.

«Неужто Ровере совсем рехнулся от желания насолить Сантини?» – подумала она.

– Да если я заявлюсь с этим к Де Анджелису, он рассмеется мне в лицо.

– Отвечать за это будет он, а не мы.

– Я выхожу из игры, господин Ровере, – ледяным тоном сказала Коломба.

– Твое право. Но подожди до вечера. А сейчас дождись, пока подъедет кто-то из наших. Де Анджелиса я сам предупрежу, – произнес Ровере и, не прощаясь, отключился.

«Пошел ты на хрен!» – подумала Коломба. Но на душе у нее остался мерзкий осадок.

Прошел час. Первым на место прибыл Сантини. За это время Данте едва выдавил из себя пару слов, но возвращаться домой наотрез отказался. Машину замначальника следственного управления сопровождал фургон с логотипом уголовно-аналитической службы. На место выехали те же два эксперта, которых Коломба видела накануне.

– И вот мы снова здесь, – проворчал тот, что постарше, выходя из фургона. – Я начинаю ненавидеть это местечко.

Сантини направился прямо к ним.

– И кто из вас затеял эту муру? – спросил он.

Скрывая неловкость, Коломба сделала бесстрастное лицо:

– Сам догадайся, гений.

– Ты мне за это заплатишь.

Она показала куда-то себе за спину:

– Вон тот столб. Почему бы тебе не запихнуть его себе в задницу?

Сантини махнул экспертам:

– Пошевеливайтесь.

Эксперты, на сей раз без белых комбинезонов, которые, очевидно, берегли для особых случаев, сфотографировали свисток, после чего сняли его со столба и положили в пакет для улик. Сантини как приклеенный держался возле Коломбы.

– Боишься, что я здесь еще что-нибудь развешу? – спросила она.

– Тебе повезет, если по возвращении из отпуска тебя посадят паспорта штамповать, поняла?

– Надо бы поучиться у тебя целовать задницы важным шишкам. Как твой романчик с Де Анджелисом? Носишь ему кофе в постель?

Сантини с ненавистью уставился на нее:

– Следи за языком.

– Слежу. Иначе у нас с тобой был бы другой разговор.

Коломба села рядом с Данте. Тем временем эксперты нанесли на столб дактилоскопический порошок и обнаружили на нем целый узор из отпечатков.

– Он вернулся, – тихо проговорил Данте. – После всех

этих лет.

– Посмотрим, что скажут в лаборатории, – дипломатично отозвалась она.

– Я всегда знал, что он все еще на свободе.

Над ними нависла тень Сантини.

– Эксперты закончили, Каселли. Скажи своему другу, что он должен поехать с нами. Магистрат вызывает его на пару слов.

– Нет, – не глядя на него, сказал Данте. – И можете говорить со мной напрямую, я не глухой и не слабоумный.

– Я знаю, кто вы, Торре, – сказал Сантини. – Есть у меня пара коллег, которым пришлось столкнуться с вашими так называемыми консультациями. Они вовсе не в восторге.

– Может, потому, что они некомпетентны?

Сантини наклонился к нему:

– Повторите, что вы только что сказали.

Коломба поднялась и встала между ними:

– Не быкуй.

– Отвали.

– Разве не видишь, что ему плохо?

– Да мне насрать.

– Правда? – Коломба шагнула вперед, и Сантини невольно попятился. – Похищение нанесло ему тяжелейшую травму. Он страдает от клаустрофобии и до сих пор находится на медикаментозном лечении. Если увезешь его против воли, попадешь под суд за принуждение и превышение полномочий.

– Ты сама его в это втянула, Каселли! – вне себя от ярости воскликнул Сантини.

Коломба почувствовала укол совести:

– Верно. Но с этого момента отвечать за его благополучие будешь ты.

Сантини сделал над собой усилие и попытался говорить рассудительно:

– Судья хочет с ним поговорить. Он что, в гости к нему должен прийти?

– Почему бы и нет?

– Потому что *так не делается!*

Один из экспертов положил руку ему на плечо:

– В километре отсюда есть придорожная закусочная с застекленной верандой. Может, согласитесь поехать туда, господин Торре?

Коломба склонилась над Данте:

– Если откажетесь, я сразу отвезу вас домой.

– Я должен ехать.

– Ничего вы не должны.

– Позвольте, пожалуйста, мне самому это решать.

– Ну так что? – спросил Сантини. – Едем в долбаную закусочную или как?

– Хорошо, – ответил Данте.

Пока Сантини звонил Де Анджелису, чтобы согласовать встречу, пожилой эксперт улыбнулся Данте.

– Он ведет себя так не потому, что плохой человек, – ска-

зал он. – Просто он кусок дерьма.

– Вы двое знакомы? – спросила Коломба.

Данте покачал головой и, казалось, потерял интерес к разговору.

– Лично мы не встречались, но я знаю, кто он такой, – объяснил эксперт. – Помните случай с детским садом в Пу-тиньяно?

– Конечно.

Этой случившейся вскоре после Катастрофы истории удалось просочиться даже сквозь обволакивавшее ее облако безразличия. Несмотря на то что Коломба тогда была в плохом, *в очень плохом* состоянии, ей казалось невероятным, что кто-то может в такое поверить. Все воспитатели детского сада обвинялись в фантастически изобретательных издевательствах над детьми на основании одних лишь голословных утверждений родителей. Тем не менее многие на эту чушь купились.

– Он как-то участвовал в расследовании?

– По легенде, да.

– О чем это вы?

– Короче, никто из наших его не видел, но поговаривали, что он консультировал адвокатов обвиняемых. Какие только слухи о нем не ходили... Чую, что все они правдивы? – Мужчина улыбнулся. – Он надрал задницы обвинителям.

– Никакого толку из этого не вышло, – загробным голосом произнес Данте.

– В возбуждении дела было отказано за неимением оснований, – возразила Коломба.

– Этим людям всем до одного пришлось уехать из города, – продолжал он. – Родители до сих пор уверены в их виновности. А дети уже не могут отличить действительность от вбитых им в головы больных фантазий. Они вырастут несчастными и искалеченными.

– Это точно, – кивнул эксперт.

Сантини сунул телефон в карман:

– Господин Де Анджелис встретится с вами в закусочной через час. Как по мне, это пустая трата времени.

Тем временем на площадь выехала полицейская машина. Сантини показал двум вышедшим из нее агентам на столб:

– Проследите, чтобы никто его не трогал и к нему не приближался, ясно? Если кто-то спросит почему, отвечайте, что таково распоряжение дорожной полиции.

– Дорожной полиции? – растерянно переспросил один из них.

– Ты глухой, что ли? – прорычал Сантини.

– Нет, господин начальник, – вздрогнув, ответил тот.

– Ты же подбросишь своего дружка? – спросил Сантини Коломбу, садясь в машину. – А то еще обвинишь нас потом, что мы с ним жестоко обращались.

– Осторожнее на дороге, – посоветовала она.

Когда Коломба, Данте и поминутно жалующийся на распухший нос Альберти подъехали к придорожной закусочной, у входа уже была выставлена охрана. Покупатели могли свободно входить и выходить, но доступ на просторную застекленную веранду забегаловки был закрыт. За время поездки чувство вины, испытываемое Коломбой, раздулось до абсурдных масштабов. Данте выставит себя на посмешище перед этими гиенами – Де Анджелисом и его прихвостнями. А все потому, что она не смогла сказать «нет» будущему бывшему шефу. Когда она услышала, как Данте звонит своему адвокату, у нее немного отлегло от сердца, – возможно, это и есть спасительное решение.

Данте смотрел на двери в закусочную, как висельник на петлю. Столбик его внутреннего термометра просто зашкаливал, а две таблетки ксанакса, принятые по дороге, вызвали лишь тошноту и головокружение. В голове у него вспыхивали мимолетные образы из прошлого. Отец, каменный мешок силосной башни, пробивающиеся сквозь трещины в бетоне полосы света. Наледь на серебрящемся в вышине окошке. Вонь собственных экскрементов. В ушах звенели слова, которые так любил повторять Отец: *«Нигде ты не будешь в такой безопасности, как здесь»*.

Когда-то Данте в это верил. Временами он верил и сейчас.

– Еще немного – и на сегодня вы свободны, – сказала Коломба. – Как бы там ни было, мне очень жаль, что я втянула вас в это дерьмо. Правда.

– Вы ни во что меня не втягивали. Это все *он*.

– Отец?

– Да.

«Ну, замечательно», – подумала Коломба.

Навстречу им размашистой походкой вышел высокий сухопарый человек в твидовом пальто. Смуглый мужчина отдаленно напоминал молодого Джереми Айронса, разве что стрижка была покороче. Коломба сразу поняла, что это Минутилло.

Адвокат положил ладони на плечи своему клиенту:

– Ну как ты?

Данте не удостоил его ответом.

– Роберто, это Отец, – сказал он.

Адвокат обеспокоенно покачал головой:

– Уверен?

– Да, – ответил Данте.

– Тогда ты должен на это пойти. – Он пожал руку Коломбе. – Приятно познакомиться, Роберто Минутилло. Если в связи с этой историей у моего клиента возникнут какие-либо проблемы, отвечать придется вам.

– Могу я переговорить с вами наедине? Это займет всего минуту.

Минутилло вопросительно взглянул на Данте.

– Валяй, – сказал тот.

Они отошли на пару шагов.

– Заберите его отсюда! – с ходу выпалила Коломба.

– Не могу же я увезти его силой.

– Разве вы не слышали, что он сказал? Он думает, его похититель вернулся.

– Я научился уважать его убеждения, какими бы эксцентричными они ни казались.

– Эксцентричными? Да это полнейшее безумие.

– Правда? – поднял бровь Минутилло.

– Торре похитили тридцать пять лет назад. Невозможно, чтобы он узнал почерк своего похитителя по одной только старой игрушке, которую, уж конечно, не может так ясно помнить!

В течение нескольких секунд Минутилло пристально смотрел на нее, и собравшиеся вокруг его глаз морщинки слегка разгладились.

– Благодарю за ваше равнодушие. Я правда его ценю. Но сейчас нам пора идти.

Не дожидаясь ответа, адвокат вернулся к клиенту и породственному взял его под руку. Коломба фыркнула.

«Ну и ладно», – подумала она. Так или иначе все скоро закончится.

Закусочная была оцеплена полицией, и Коломбе пришлось показать удостоверение, чтобы ее пустили вместе с остальными. Данте не сводил взгляда с улицы, пока они не

подошли к столику у окна, за которым уже сидели Де Анджелис и Сантини. С ними был какой-то мужчина, которого Коломба никогда прежде не видела. На столе перед ним стоял ноутбук.

Она представила друг другу участников встречи. Сантини даже не взглянул в ее сторону, а Де Анджелис смерил ее настороженным взглядом. Тем не менее оба за руку поздоровались с адвокатом. В дальнем конце зала, возле кассы, стояли двое инспекторов следственного управления, которых Коломба накануне видела на месте преступления. Они, посмеиваясь, что-то вполголоса обсуждали. Стоило им заметить, что она на них смотрит, – и разговор резко оборвался.

Де Анджелис повернулся к Минутилло:

– В присутствии адвоката нет никакой необходимости.

– Таково наше решение, господин Де Анджелис. Тем не менее, если вы против, нам не хотелось бы тратить ваше время понапрасну. Можем назначить встречу позже, в более уместной обстановке.

– Все в порядке, господин Минутилло, – покачал головой Де Анджелис. – Пожалуйста, присаживайтесь. Прошу всех сесть.

Мужчина с ноутбуком, оказавшийся инспектором, которому было поручено вести запись разговора для протокола, зафиксировал паспортные данные собравшихся и включил цифровой диктофон. Де Анджелис огласил дату и время, поименно перечислил присутствующих и бросил на стол перед

Данте цветную распечатку. Это была фотография свистка со штампом следственного управления. Коломба подумала, что сработали они быстро.

– Я показываю господину Торре фотографию свистка, обнаруженного возле парковки примерно в пятистах метрах от места убийства госпожи Балестри, – сказал он в диктофон. – Подтверждаете ли вы, что это тот самый найденный вами сегодня объект, который был приобщен к делу в качестве улики?

– Кажется, да.

– Вы заявили присутствующей здесь госпоже Каселли, что этот свисток связан с убийством госпожи Балестри и похищением маленького Луки Мауджери, верно?

– Он не совсем так выразился, – вмешалась Коломба.

Де Анджелис жестом призвал ее к молчанию:

– Госпожа Каселли, будьте так добры, отвечайте только на те вопросы, что адресованы вам.

«Гребаный придурок!» – подумала Коломба.

– Прошу прощения, – сказала она вслух.

Данте сочувственно поморщился:

– Госпожа Каселли права: я действительно выразился иначе. Боюсь, некоторое время я был не в состоянии говорить связно. Я имел в виду, что этот свисток – точно такой же, какой был у меня при себе, когда меня похитили. Его отобрал у меня похититель. Обнаружив такой свисток всего в нескольких шагах от места, где пропал ребенок того же возраста, в

котором был я на момент похищения, я подумал, что это не может быть совпадением.

– Пожалуйста, поясните.

– Я считаю, что его оставил там мой похититель. Следовательно, я полагаю, что это мой свисток, который до сих пор оставался у него.

Де Анджелис и Сантини переглянулись.

– Человек, который вас похитил, мертв, господин Торре. – Де Анджелис отчетливо проговаривал каждое слово, как будто беседовал со слабоумным. – Его звали Бодини, и он застрелился у себя на ферме до приезда сил правопорядка.

– Меня похитил не Бодини. Бодини был просто полезным кретином, из которого сделали козла отпущения.

Де Анджелис постучал ручкой по кончику носа:

– Да. Мне известно, что вы всегда придерживались этой версии событий... Был ли свисток в перечне ваших личных вещей, составленном вашими родителями?

– Нет.

– Рассказывали ли вы о нем властям после того, как сбежали?

– Нет. Но я не сочиняю на ходу, если вы на это намекаете.

Де Анджелис с укором посмотрел на него:

– Господин Торре, намеки не входят в мои профессиональные обязанности. Я задаю вопросы, а вы, как свидетель, обязаны на них отвечать, хоть мы и находимся в несколько...

неподобающей обстановке.

– Готовы ли результаты судебно-медицинской экспертизы? – спросил Минутилло.

– Поскольку времени прошло еще очень мало, у нас есть только предварительный отчет, – ответил Сантини. – Я получил всю информацию по телефону. Ни отпечатков, ни следов ДНК на свистке не найдено. По степени окисления сложно сказать, как долго он находился под открытым небом, особенно учитывая, что его изначальное состояние нам неизвестно. Тем не менее долго там провисеть свисток не мог. Он достаточно хорошо сохранился.

– Соответствует ли год производства словам моего клиента? – спросил Минутилло.

– Только в самом широком понимании. Эта модель производилась в Италии между тысяча девятьсот шестидесятым и семьдесят седьмым годом. Конкретный год установить невозможно.

Де Анджелис улыбнулся Данте. В его улыбке не было ни намека на сочувствие.

– Господин Торре, давайте допустим, что у вас был такой же свисток. – Он поднял руку, словно заранее предвидя возможные возражения. – Но сами посудите, велика ли вероятность, что это действительно ваш свисток, который повесил на столб некий загадочный неизвестный? Не кажется ли вам гораздо более правдоподобным, что эту вещь потерял какой-нибудь турист или ребенок, которому это подарили ро-

дители? И что кто-то повесил туда свисток, чтобы его нашел владелец, как это часто делают с перчатками и ключами?

– Мне не нужно рассчитывать вероятности. Я и так знаю наверняка, – сказал Данте.

– Но мы-то – нет. К сожалению, вашу версию событий ничто не подтверждает.

– Вы ошибаетесь, – возразил Данте.

Улыбка Де Анджелиса заледенела.

– Так объясните же мне в чем.

– На свистке нет отпечатков. По-вашему, потерявший его мальчишка ни разу к нему не прикасался?

– Возможно, тот, кто его нашел, стер с него грязь.

– Так тщательно, что не осталось никаких следов? Даже органических, вроде слюны? Или вы считаете, что в него никогда не свистели? Знаете, в свистки обычно свистят, для того они и нужны.

Коломба почувствовала, что начинает восхищаться Данте. Зря она боялась, что он выставит себя дураком.

– Все смысл дождь, господин Торре, – сказал Де Анджелис. Сантини положил локоть на стол и подался вперед.

– Или тот, кто повесил туда свисток, не хотел, чтобы мы его вычислили, – сказал он. – Потому что знал, что первым делом мы сверим найденные следы с его ДНК.

– Вы в чем-то обвиняете моего клиента? – спросил Минутилло. Если улыбка Де Анджелиса была ледяной, то взгляд адвоката стал испепеляющим.

– Мы просто беседуем, – сказал Де Анджелис.

– Прошу прощения, ваша честь. – Сантини взглянул на Коломбу. – Можете ли вы подтвердить, что, когда обыскивали местность, ни на секунду не теряли его из виду?

– Я ни хрена тебе говорить не обязана, Сантини.

– Она права, господин Де Анджелис, – снова вмешался Минутилло. – Если снятие показаний с моего клиента продолжится в подобной атмосфере, мы сейчас же уйдем.

– Ладно-ладно, давайте мы все успокоимся, – сказал Де Анджелис. – Но я вынужден повторить вопрос к госпоже Каселли.

– Чьи показания вас интересуют? Госпожи Каселли или моего клиента? – спросил Минутилло.

– Вашего клиента. Но если вы не возражаете, мне хотелось бы сэкономить время.

– Я возражаю.

– Простите, адвокат, я буду краткой. Это исключено, – вмешалась Коломба.

– Теперь вы довольны? – спросил Данте. – Или считаете, госпожа Каселли тоже лжет?

– Господин Торре, вы же понимаете, что, на посторонний взгляд, подобное совпадение может показаться крайне подозрительным?

– Никакое это не совпадение, – сказал Данте. – *Он* повесил там свисток специально.

– Он – это ваш похититель?

– Вот именно.

– Для чего же он это сделал? Чтобы оставить нам послание? Бросить вызов? Подписаться под преступлением?

Данте заколебался. У Коломбы сложилось отчетливое впечатление, что он недоговаривает.

– Я не знаю, что у него в голове. Не знал тридцать лет назад, не знаю и сегодня.

– А не мог ли ваш свисток остаться незамеченным? Провисеть там, пока не заржавеет? Попасть в мусорку?

– Не мне судить о его намерениях. Я... скажем так, необъективен. Все то время, что я провел в заточении, он приучал меня считать его богом. А пути Господни неисповедимы.

Де Анджелис и Сантини снова переглянулись.

– Хорошо, господин Торре... Благодарю вас. Я закончил, – сказал Де Анджелис.

До сих пор Данте говорил вполголоса и сидел почти неподвижно. Теперь же он резко подался вперед, и Де Анджелис отпрянул, прижавшись к спинке сиденья.

– Знаете, что теперь ждет этого ребенка? – спросил Данте. – Годы в заточении, если не вся жизнь. Психологическое насилие, физическое насилие. И возможно, убийство, если он окажется недостаточно понятливым или послушным.

Де Анджелис изучающе посмотрел на него:

– То есть ждет его то же, что произошло с вами, верно?

– Да. То же, что произошло со мной.

– Теперь вы понимаете, почему вас сложно назвать

непредвзятым свидетелем?

– Вы хотите сказать, что мне нельзя доверять?

– Мне жаль.

Данте медленно кивнул:

– Я должен был попытаться. Могу я идти?

– Да, мы закончили, – сообщил Де Анджелис. – Когда показания распечатают, вам нужно будет подписать протокол.

– Дайте нам знать, мы подъедем, – сказал Минутилло, вместе с Данте поднимаясь из-за стола.

Коломба тоже встала.

– Не задержитесь на минутку, госпожа Каселли? – спросил Де Анджелис.

– Пожалуйста.

Минутилло и Данте вышли. Де Анджелис потер подбородок и бросил оценивающий взгляд на Сантини и инспектора:

– Мне нужно перекинуться парой слов с госпожой Каселли тет-а-тет.

Инспектор захлопнул ноутбук и поднялся. Сантини протянул руку Де Анджелису:

– Тогда я заскочу в участок и вернусь, если у вас нет других поручений.

– Нет, поезжай. Завтра тебе позвоню.

Сантини направился к выходу. Инспектор подошел к открытому окну и закурил.

– Вы же знаете, о чем я хочу спросить, верно? – произнес Де Анджелис, как только они остались наедине.

– Нет. Намекните.

– Что ж, если вам нравится все усложнять... Что вы делали на месте преступления, к расследованию которого не имеете никакого отношения?

– Мне хотелось, чтобы на него взглянул господин Торре, – безучастно ответила она.

– По какой причине?

– Он консультант, специализирующийся в области розыска пропавших.

– Он неуравновешенный тип, которому юридические конторы платят, чтобы он мутил воду, а они срубали бабла.

– Это ваше мнение, не мое.

– Является ли Мауджери или его супруга клиентом Торре?

– Нет.

Де Анджелис сомкнул кончики пальцев:

– Возможно, вам просто об этом неизвестно. И вся история со свистком – первый кирпичик в версии защиты.

– Я сама на него вышла. В настоящий момент Торре ни на кого не работает.

– На каких основаниях? Ведь вы не при исполнении.

– Я обратилась к нему в качестве частного лица. Я оказалась косвенно вовлечена в расследование и попыталась внести в него свой вклад...

Де Анджелис откинулся на стуле и воззрился на нее. Колумба не отводила взгляда.

– Вы не под присягой, но, учитывая занимаемый мной пост, я требую от вас правды. Вы лжете. Вас отправил Ровере. Оставаться в стороне для него невыносимо, что в очередной раз доказывает, как прав я был, что не привлек его к расследованию.

После того, на что шеф вынудил ее пойти, повесить всех собак на него было бы только справедливо, но Коломба была не из тех, кто готов, чуть что, переметнуться на сторону врага.

– Это не так, – твердо ответила она. – Я здесь по личной инициативе, ему ни о чем не известно.

– Я вам не верю, госпожа Каселли. Вы двое довольно близки, не так ли?

– Что значит «близки»?

Де Анджелис развел руками:

– Не поймите меня неправильно! Я лишь имел в виду, что Ровере много лет был вашим начальником. Он поддерживал вас во время выздоровления. Многое для вас сделал. Не отвернулся от вас после случившегося, как поступили бы многие на его месте.

Коломба вонзила ногти в ладони:

– Нам обязательно это обсуждать?

– Я лишь хотел объяснить, почему я вам не верю. Вы бы никогда не стали действовать у Ровере за спиной. А вот за спиной у меня или Сантини – пожалуйста. Разумеется, вы не признаетесь, ведь вы не хотите обмануть его доверие.

– Если вы все знаете, то к чему этот допрос?

– Мне хотелось дать вам шанс. Жаль, что вы им не воспользовались.

– Так я могу идти?

Де Анджелис опустил глаза на лежащие перед ним документы.

– Доброго вечера, госпожа Каселли.

Тем временем Данте отослал Минутилло на парковку, чтобы тот сделал пару звонков, а сам остановился невдалеке от входа, заявив, что ему нужно покурить. Ему хотелось попрощаться с Коломбой. Он с сожалением думал, что никогда больше не увидит эту зеленоглазую сотрудницу полиции. Во-первых, женщина была красивой и необыкновенной – а он давно уже не встречал красивых женщин, – а во-вторых, вскоре ему предстояло вновь остаться наедине со своими призраками. В этот момент из туалета, вытирая ладони о брюки, вышел Сантини. Он заметил, что Данте один, и в его глазах мелькнул хищнический огонек. Полицейский бегом преодолел разделяющие их несколько метров и схватил его за руку.

– Какого хрена?... – выронив пачку сигарет, воскликнул Данте.

Сантини зажал ему рот и затолкнул в одну из кабинок. Это был крошечный, без единого окна, провонявший дерьмом туалет.

Сантини захлопнул дверь. Стало темно. В сером сумраке виднелся только его черный силуэт и мерцающие глаза. Густая темнота невыносимо давила Данте на виски. Сантини убрал руку от его рта, но он не закричал. Он не мог издать ни звука. Данте показалось, что стены смыкаются, и у него подкосились ноги. Он бы упал, но Сантини схватил его за воротник плаща:

– Боишься замкнутых пространств, да? Спорю, ты и темноты боишься. Наверное, ночничок в форме уточки держишь у кровати?

Данте не отвечал и старался лишь не потерять сознания. Прошрое ослепительно засверкало и громом отдавалось в его ушах. Голос Сантини звучал глухо, словно из-за бетонной стены.

«Из-за стены силосной башни».

– Пусти, – попытался сказать Данте, но язык прилип к гор-тани.

– Бояться надо *меня*. Будешь доставать нас рассказами про свисток или еще как-то полезешь в это дело – и я тебя закопаю. Зарою в землю с трубкой для дыхания, понял?

Но Данте не понимал ни слова. Все заглушал голос Отца. Голос возвещал Закон свой с вышины. Он говорил, что Данте снова ошибся, повторяя то, чему научил его Отец, и должен покарать себя. Должен взять розгу и бить себя по больной руке. Бить под счет Отца.

Данте попытался поднять невидимую розгу, но Сантини

схватил его за руку:

– Не дергайся. Просто скажи, что понял. Говори!

Данте нашел во тьме башни окошко в настоящее и с трудом выкарабкался обратно в зловонный сортир, снова оказавшись лицом к лицу с полицейским. Но возвратилась лишь малая его часть, достаточная, чтобы пошевелить губами и сказать, что он все понял. Хотя и не знал что. Или забыл. Он почувствовал себя легким. Разреженным.

Сантини отпустил его, распахнул дверь и вышел. Поток света ударил Данте, как электрический разряд. Он упал на колени на мокрый кафель, поднялся на карачки и по нечистотам пополз к выходу.

На глазах у Коломбы Сантини сел в машину и, вспоров колесами гравий, унесся прочь. Она недоуменно замерла и тут же увидела, как из туалета выползает Данте.

Коломба опустилась на колени, чтобы приподнять ему голову. В тот же момент Минутилло оборвал телефонный разговор и, проклиная себя за неблагоразумие, побежал к ним.

– Как вы? Что произошло? – спросила она.

– Ничего. Оставьте меня, – пробормотал Данте.

– Слышали, что он сказал? Оставьте его в покое, – сказал из-за ее спины Минутилло, не слишком любезно оттолкнул ее в сторону и склонился над Данте. – Можешь держаться на ногах?

– Если поможешь.

Минутилло подхватил его под мышки и поднял. Брюки и

плащ Данте насквозь промокли и пропитались нечистотами. Адвокат снял с себя пальто и завернул в него Данте:

– Сейчас отвезу тебя домой.

– Господин Торре, – сказала Коломба, – подождите секун-
дочку.

Он поднял глаза.

– Я видела, как Сантини убегал. Он вам что-то сделал?

Данте покачал головой:

– Это не важно.

– Для меня важно.

– Пустые слова и никаких свидетелей. – Данте показал на закусочную, из которой в этот момент, притворяясь, будто их не видит, выходил Де Анджелис. – Сами видели их реакцию. Неужели вы думаете, мне кто-то поверит?

– Вам верю я.

– Во всем, кроме главного, насколько я могу судить.

Данте позволил адвокату увести себя прочь. Коломба пнула попавшийся под ноги камень, но легче ничуть не стало. Наконец в ней настолько вскипело бешенство, что она решила дать ему волю и запрыгнула в машину.

– Куда едем, госпожа Каселли? – встряхнулся Альберти.

– В центральный участок. И вруби долбаную сирену.

Альберти набрал скорость. Стоило ему замедлиться на перекрестке, как Коломба приказывала поддать газу.

Они добрались до улицы Сан-Витале, как раз когда автомобиль Сантини заезжал в ворота участка. Коломба выска-

чила из машины и сунула в лицо постовому удостоверение. Когда Сантини открыл дверцу, она уже стояла перед ним.

– Каселли? Какого хрена тебе надо?

Она пнула его в лицо. Получив по подбородку носком армейского ботинка, Сантини с искрами из глаз рухнул обратно на сиденье.

– Еще раз сунешься к Торре – и тебе не поздоровится, – сказала Коломба.

– Совсем сдурела? – заплетающимся языком произнес он и схватился за дверцу, пытаясь подняться. Но тело обмякло, как у нокаутированного боксера, и руки его не слушались.

– Ты меня слышал.

К ним подбежали двое агентов в форме, хотя все произошло так быстро, что никто не успел понять, что случилось. Коломба уже была на полдороге ко входу в участок. Сантини начал что-то вопить ей вслед, но она даже не замедлила шаг.

8

Минутило отъезд Данте домой и, чтобы тому было не так страшно подниматься по лестнице, проводил его до квартиры. На протяжении долгого подъема он говорил с Данте о пустяках, стараясь отвлечь его от мыслей о лесе и силосной башне. О произошедшем в туалете Данте рассказывать не желал, и адвокат понимал, что настаивать бесполезно.

По мере подъема настроение Данте постепенно улучша-

лось. К тому времени как они добрались до нужного этажа, к нему вроде бы вернулось обычное остроумие. Войдя в квартиру, адвокат был ошеломлен царившим там беспорядком. Конечно, это был рабочий беспорядок: в доме было довольно чисто, а между горами хлама были намеренно оставлены дорожки, – однако Данте явно слишком долго прожил затворником. Минутилло отметил про себя, что стоит почаще проверять, в каких условиях живет его друг, каким бы забавным и расслабленным тот ни казался по телефону.

– Не думаешь, что здесь пора прибраться? – спросил он.

– Допустимый уровень хаоса я еще не превысил. Видишь? До плиты мусор пока не доходит. – Данте закрылся в ванной, разделся и залез под душ.

Они продолжили беседовать через дверь.

– Сделай себе кофе, если хочешь, – сказал Данте.

– Не пью кофе после пяти. Куда делась твоя уборщица?

– Уволилась. Слишком ограниченная женщина.

– Сказал бы мне, я бы нашел новую.

– Не хотел выставлять тебя в дурном свете перед агентствами по найму. – Данте потер лицо. Он все еще чувствовал запах мочи, но ему могло и почудиться. Он выключил кран. – Уборщицы от меня уходят не впервые.

– Я всегда заранее предупреждаю, что ты эксцентрик...

– Тогда найди мне такую, чтобы не говорила по-итальянски. Хоть документы от нее прятать не придется...

– А как насчет той девушки, с которой ты встречался? Как

там ее звали... – произнес адвокат, заранее предвидя ответ друга.

– Она тоже от меня ушла. И в агентстве по найму мне с этим не помогут.

– Какая жалость. Что случилось?

– Она оказалась очень ограниченной.

– Эту отговорку ты уже использовал.

– Правда? – Дверь ванной открылась, и переодевшийся в угольно-серый халат Данте закинул грязные вещи в переполненную корзину для белья. – Может, проще будет ее сжечь?

Он расположился на диване, закинув ноги на подлокотник. Вспомнив, что несколько часов назад в точно такой же позе возлежал Альберти, он снова сел прямо. Агент показался ему неудачником, и походить на него ему не хотелось.

Минутилло продолжал стоять.

– Я за тебя переживаю, – сказал он. – Из дому ты носу не кажешь, ни с кем не видишься. Теперь еще и это...

– Что «это»?

– Не притворяйся идиотом.

– Роберто... Я и раньше был уверен, что Отец еще жив. Теперь у меня появилось доказательство. Эта история для меня почти ничего не меняет.

– Она меняет очень многое.

– Я дожил до сегодняшнего дня и намерен жить и дальше. Да, время от времени меня будут тревожить мысли о судьбе мальчика, которому предстоит пройти через то же, что и

мне... Но возможно, ему повезет больше.

– Почему бы тебе не сменить обстановку? Съезди куда-нибудь. Ты же не станешь возражать против поезда. Или могу найти тебе водителя.

Данте ухмыльнулся:

– Может, просто выставишь у моей двери вооруженную охрану?

Минутилло и глазом не моргнул:

– Могу устроить.

– Я уже не ребенок и к его типу жертв больше не отношусь.

– Мы не знаем, какой тип жертв он предпочитает.

– По всеобщему мнению, я был единственным, кого он похитил, и его больше нет в живых.

– Ты это мнение не разделяешь. Значит, не разделяю и я.

Данте отмахнулся:

– Ладно, тебе пора. Я собираюсь смешать психотропные препараты с алкоголем. И не могу сделать это у тебя на глазах.

– А что с копом, который на тебя напал?

– Ему все сойдет с рук. Как обычно, когда полицейские перегибают палку.

– Особенно если ты не удосуживаешься на них заявить.

– Рано или поздно я с ним расквитаюсь, просто не придумал пока, каким образом. Сам знаешь, память у меня хорошая.

Минутилло подобрал брошенное Данте на пол пальто.

– Я заметил распакованные коробки. Ты пополнил свою коллекцию?

– Это не коллекция, а дань уважения минувшим временам.

– Смотри, чтобы тебя под ней не завалило.

Стоило Данте услышать душераздирающий скрип спускающегося лифта, и с него разом слетело все напускное спокойствие. Он вскочил и выключил свет. Стеклопанная стена заблестела, отбрасывая на пол затейливые арабески. За светом уличных фонарей угадывались очертания здания напротив. Дождавшись, пока глаза привыкнут к темноте, Данте почти наглухо задернул шторы и высунул голову в оставшуюся узкую щель. Сквозь отражение его лица виднелся лоскут квартала.

Где-то снаружи скрывается Отец.

Клетка стала просторной, как мир, но Данте так и остался его пленником.

9

В то время как Данте гасил свет, надеясь, что чудовище взглянет на него в ответ, Альберти высадил Колумбу возле дома ее матери. Колумба позвонила ей на обратном пути. В голосе матери звучала такая обида, что молодая женщина решила, не откладывая, заехать на еженедельный совмест-

ный ужин.

Альберти с видом побитой собаки открыл перед ней дверцу автомобиля.

– Завтра возьму больничный, госпожа Каселли. Чувствую себя совершенно разбитым.

– Предупреди начальство.

– Мое начальство – это вы.

– Стоит мне выйти из машины – и я тебе не указ.

«Не говоря уже о том, что я пнула коллегу в лицо», – мысленно добавила она.

– Передавай привет господину Ровере.

– Увидимся, госпожа Каселли, – сказал Альберти.

Коломба улыбнулась, и Альберти осознал, насколько она красива.

– Будь молодцом, – сказала она. – А то закончишь, как я.

Мать Коломбы жила в палаццо восемнадцатого века позади площади Оролоджио. Квартиру в историческом центре города ей завещал умерший десять лет тому назад муж, в свою очередь получивший ее в наследство от отца, – эта квартира была одним из немногих осколков былых времен, которые семья не успела растратировать вместе с остатками благородства.

Лицо ее шестидесятилетней матери покрывал густой макияж, а зеленые, как у Коломбы, глаза подчеркивали голубые тени. Она появилась в дверном проеме, одетая в джинсы, белую рубашку поло и серьги, которые подарила ей на

Новый год дочь. Расцеловав ее, мать первым делом показала ей на сережки:

– Видела, что я надела?

– Видела, спасибо.

– Что ж ты такая грязная... В полях, что ли, шныряла?

Коломба расшнуровала перепачканные армейские ботинки и сняла их вместе с влажными носками. Проигнорировав протянутые матерью тапочки, она прошлась по мраморному полу босиком. Ей это нравилось с самого детства.

– Да.

Лицо матери просветлело.

– Ты вышла на работу?

– Нет, мам. Я еще в отпуске.

Мать разочарованно скривилась и демонстративно взглянула на висящую у входа фотографию принимающей присягу Коломбы:

– Видишь хоть, какая ты тут симпатичная?

– Молодая и глупая.

– Не говори так, – возмущенно сказала мать и провела ее на кухню. Стол был накрыт на одного. – Я уже поела.

Коломба села.

– Слушай, раз уж ты приглашаешь на ужин, могла бы и поесть за компанию.

– Да я не голодная, весь день кусочничала. – Она поставила перед Коломбой бокал и налила ей вина из той же бутылки, которую открыла для нее неделю назад. – Я тебе кое-

что взяла в закуской, что у нас на первом этаже открылась. Просто вкуснятина. Бешеных денег стоит, зато и правда объедение.

– Спасибо.

Мать переложила ей на тарелку телятину из металлизированной упаковки. В чересчур водянистом соусе плавал одинокий каперс. Коломба ела в полной тишине. Мать, стоя, наблюдала за ней.

– Я тут подумала, ты вроде пошла на поправку. Похоже, ты в хорошей форме. И больше не хромаешь.

– Колено еще иногда побаливает, – сказала Коломба.

– Но *видно же*, что тебе лучше.

Коломба отложила вилку, едва удержавшись, чтобы не ударить ей об стол:

– И?

– Вот встретишь кого из сослуживцев, что они о тебе подумают?

– Что мне повезло. Мам, в жизни все не как в кино. Если есть вариант сачкануть, мои сослуживцы его не упустят.

– Что, все как один?

– Нет, не все. Но это работа, а не призвание. – Коломба вернулась к еде. «Если когда-то у меня и было призвание, то я его потеряла», – мысленно добавила она. – Причем большую часть времени работа муторная.

– Твоя работа не скучная.

– Если за интересную работу приходится расплачиваться

неделями на больничной койке, да здравствует скука.

– Но ты можешь вернуться в строй когда захочешь, правда? – Мать произносила «вернуться в строй», как будто зачитывала реплику из полицейского сериала. – Тебе довольно сказать им, что хорошо себя чувствуешь.

– Все не так просто.

– Но ты *могла бы*, верно?

Коломба вздохнула:

– Да, могла бы. Но не собираюсь.

– И когда же ты думаешь *вернуться в строй*?

– Никогда. Я ухожу в отставку.

Коломба собиралась объявить о своем решении в более деликатной форме, но вышло иначе. Мать отвернулась к выключенной плите, на которой стояла замасленная упаковка из магазина.

– Ага.

Коломба знала, лучше вести себя как ни в чем не бывало, но тут же спросила:

– Что «ага», мама? Что ты, блин, хочешь сказать?

Мать обернулась и взглянула на Коломбу. На ее лице появилось разочарованное выражение, которое она приберегала для особых случаев. Как, например, когда в четырнадцать Коломба объявила, что больше не хочет заниматься плаванием, в шестнадцать – что бросает уроки фортепиано, а в двадцать два – что вместо защиты диссертации собирается сдавать экзамен на комиссара полиции.

– Дело твое, – сказала мать. – Если хочешь бросить на ветер все, чего добилась, я тебе помешать не могу. Хотя нам с твоим отцом пришлось пойти на немалые жертвы ради твоей учебы.

– Слушай, диплом я получила. И потом, ты даже не хотела, чтоб я сдавала вступительные в полицию. Ты тогда сказала: «Какой позор, будешь выписывать штрафы на парковке!»

– Зато потом я поняла, что эта работа тебе по душе. Я видела, что ты довольна!

– Да тебе просто вскружили голову мои фото в газете!

– А что в этом дурного?

– На этой работе я едва не погибла, мам. Это тебя правда не волнует?

Мать разразилась слезами:

– Как только у тебя язык повернулся?

Терпение Коломбы лопнуло. Она сунула тарелки в посудомойку, надела ботинки на босу ногу и, хлопнув дверью, вылетела из квартиры. Внутри все сжималось. Она пошла домой пешком, мечтая, чтобы к ней пристал какой-нибудь извращенец, на котором можно будет сорвать злость. Коломба специально выбирала самые темные переулки и с надеждой замедляла шаг, когда навстречу попадались существа мужского пола, но прохожие сторонились окружающей ее черной тучи. Добравшись до дому, она была уже настолько вне себя от ярости, что почти решилась постучаться к соседу снизу, который как-то вернул ей упавшие к нему на балкон

с бельевой веревки стринги (на следующий же день она купила сушилку). «Готов поспорить, вы в них отлично смотрите», – сказал он, окинув ее раздевающим взглядом. Тогда она вырвала трусики и отправила соседа восвояси, но теперь бы с радостью стерла похотливую улыбочку с его лица.

Однако на верхней ступеньке лестницы сидел Ровере.

10

Коломба не знала, на что решиться: то ли молча его обойти, то ли схватить за лодыжку и спустить с лестницы, то ли заорать ему в лицо. Выбрав четвертый вариант, она села с ним бок о бок.

– У Сантини гематома на подбородке, и он в бешенстве, – сказал Ровере.

– Пусть подаст на меня рапорт.

– Он будет выглядеть не лучшим образом, если узнают, что его побила женщина. Ему выгоднее спустить все на тормозах. – Ровере закурил. – Это он оставил тебе ссадины на шее?

Коломба потерла шею – она уж и забыла об этом.

– Нет. Тип, который шлялся под окнами у Торре.

– Похоже, ты взяла этого Торре под крылышко.

Коломба не ответила.

– Не забудьте потом забрать с собой окурок. Не хочу из-за вас ругаться с консьержкой, – сказала она вместо этого.

– Можем поговорить в квартире? – спросил Ровере.

– Нет.

– Как пожелаешь. – Он открыл стоявший перед ним на ступеньке дипломат и вытащил поясную кобуру и берет-ту, казавшуюся уменьшенной копией табельного пистолета. Модель «Px4 Compact». Десять патронов в магазине, еще один – в стволе. Подходит для скрытого ношения.

– Вы шутите, – сказала Коломба.

Ровере положил между ними пистолет, две коробки девяти-миллиметровых патронов и обойму. А сверху – новенькое разрешение на ношение оружия. На нем было пятилетней давности фото Коломбы. То же фото она использовала, чтобы обновить удостоверение.

– Лицензия на оружие для самообороны, – пояснил Ровере. – Пистолет зарегистрирован на твое имя. Сама понимаешь, служебное оружие я не могу тебе вернуть, пока ты в отпуске.

– То есть до завтрашнего дня. Я принесу вам заявление об отставке.

– Ты не можешь сейчас все бросить.

Коломба саданула рукой по перилам. Удар гонгом прокатился по лестничному пролету.

– Если у нас и был шанс повлиять на следствие, то мы его прохлопали. Торре совсем свихнулся!

– А что, если он прав?

Коломба встала:

– Вы готовы за любую соломинку схватиться, лишь бы подсидеть Сантини. Извините, но я пас. Посидите, пока я вам вынесу долбаное заявление.

Ровере удержал ее за руку:

– Торре сказал правду насчет свистка.

– А вам откуда это знать?

Ровере снова открыл дипломат и вынул пластиковый файл с бумагами:

– Сегодня Торре обвинили в том, что он никогда не упоминал о свистке, и он это признал. В действительности же он не говорил о нем следователям, однако сказал одной журналистке. Вот, почитай. Его первое и единственное интервью.

Он передал Коломбе пластиковый файл, в котором находилась цветная ксерокопия статьи в еженедельнике «Оджи» за август девяносто первого года. Через два года после освобождения Данте. В статье было три его фотографии. Данте сидел на скамейке в парке, на много лет моложе и на несколько килограммов поупитаннее. Здоровой рукой он в напускной задумчивости подпирал подбородок с выпендренной бородкой, а изуродованную опустил в карман. Данте казался мальчишкой, которой корчит из себя взрослого дядю. На нем были вельветовые брюки, каких сегодня днем с огнем не сыщешь.

Интервью едва затрагивало тему заточения Данте и было почти полностью посвящено его новой жизни. Отношения с отцом, долгожданное возвращение домой... Журналистка

объясняла, что Данте назначил ей встречу в городском саду на площади Рома в Кремоне, поскольку старался как можно больше времени проводить под открытым небом. «Я слишком много лет провел взаперти», – сказал он. Коломба задумалась: возможно, это просто отговорка, и он уже тогда страдал от клаустрофобии, или же ее первые симптомы проявились позднее? Статья была приторной и насквозь фальшивой. Данте признавался, что хочет сдать вступительные экзамены в университет и кататься на велосипеде по набережным реки По, наслаждаясь обретенной свободой. «Мне бы хотелось окончить университет, поступить в полицейскую академию и не допустить, чтобы произошедшее со мной случилось с другими» – на этой фразе заканчивалось интервью под названием «Мальчик, на одиннадцать лет запертый в силосной башне, хочет стать полицейским». В статье был даже снимок башни. Коломба никогда раньше его не видела. Это была шестиметровая бетонная башня диаметром около четырех метров. Башня почернела от копоти – перед самоубийством Бодини поджег ферму, – и на мгновение Коломба представила, что сама заперта внутри.

Одну из реплик Данте Ровере выделил желтым маркером – это была единственная фраза, в которой Коломба заметила оттенок столь хорошо ей знакомой иронии. «Полиция обнаружила много моих школьных вещей. К сожалению, я потерял металлический свисток, который, как я верил, приносил мне удачу. Очевидно, на этот счет я ошибался».

Ровере ткнул пальцем в статью:

– Вряд ли господин Торре отпустил эту шуточку, чтобы использовать двадцать лет спустя.

– Это доказывает только, что он не врал о своем прошлом, и вовсе не значит, что он не ошибается насчет настоящего. Его похититель давным-давно мертв.

– Но что, если следствие ошиблось? Что, если все эти годы господин Торре пытался до нас достучаться, но никто ему не верил?

– А вам не кажется, что у нас нет мотива? – с притворной уверенностью спросила Коломба.

– Ты готова поклясться, что не он повесил туда свисток?

– Да.

Ровере взмахнул потухшим окурком.

– Взгляни на прикрепленную к статье распечатку.

Коломба сняла скрепку и достала фотографию площади возле шоссе.

– Что бы мы ни думали о людях из уголовно-аналитической службы, они догадались прочесать все идущие от места преступления дороги, – сказал Ровере. – А поскольку они увлекаются фотографией, сегодня утром они сделали также снимок столба, на котором вы нашли свисток.

– Ну вот и все. Это был не убийца в бегах, – заметила Коломба.

– Ты права, свисток появился позже. Но дождь не мог смыть с него следы ДНК, потому что сегодня было сухо.

Коломба с подозрением посмотрела на него:

– Вам известно многое из того, что говорил сегодня Де Анджелис. Сомневаюсь, что вам обмолвился об этом он сам или Сантини. Инспектор, который помогал снимать показания?

– Старый друг, – немного смущенно произнес Ровере. – Как бы то ни было, убийца вернулся, чтобы повесить свисток, уже после отъезда уголовно-аналитической службы.

– Он рисковал, что его увидят.

– Вероятно, у него была на то важная причина.

– Хотел оставить подпись?

– Да, причем он должен был знать, что вскоре там окажется единственный, кто может ее распознать.

– Но это же безумие, – пробормотала Коломба, похолодев. – Самое настоящее безумие.

– Разумеется. Возможно, это совпадение. Возможно, Торре окончательно лишился рассудка. Или...

– Или его похититель все еще находился поблизости, – пробормотала Коломба. – И он его узнал.

– Сама решай, во что верить.

Коломба схватила пистолет и побежала прочь.

11

Данте, выбрав идеальный наблюдательный пункт, уселся на пол спиной к входной двери. Отсюда видна была остав-

ленная им щель между шторами в гостиной. Стоило повернуть голову, как ему открывался прекрасный обзор окружающих зданий. При этом сам он оставался в темноте, в тени стола, так что никто не мог увидеть его с улицы. Он все еще был в халате, ягодицы мерзли на холодном полу, но он слишком нервничал, чтобы одеться. При мысли о том, чтобы подняться и отвлечься от бдительного наблюдения, столбик его внутреннего термометра подскакивал до небес.

Дважды Данте переставал понимать, где находится. Однажды ему почудилось, что он все еще в силосной башне, а в другой раз – что он в клинике, где познакомился с Лодовикой.

Лодовика была его первой девушкой, которую он встретил через два с половиной года после освобождения. Она оказалась в клинике из-за амфетаминовой зависимости, а он последовал совету юриста отца после того, как потерял самообладание в людном месте. В клинике было смертельно скучно, да и сама Швейцария показалась ему кошмарной страной. Он не мог знать, что ему предстояло провести там следующие четыре года: у него не было возможности ни вернуться домой, ни подобрать для себя местечко получше.

Биологически Лодовика была на пару лет моложе его, однако жизнь знала несравнимо лучше. Дни, следовавшие за освобождением, Данте провел, изучая современный мир, но то, что для него оставалось абстракцией, ей довелось испытать на себе. Дочь дипломата, Лодовика еще до окончания

средней школы не меньше десяти раз переезжала в новые города и страны. Всякий раз ей приходилось заново заводить друзей и осваиваться в новой обстановке. В четырнадцать лет она начала время от времени нюхать кокс, которым ее угощали приятели постарше, и почти каждый вечер напивалась. Оказалось, что bad girls гораздо чаще получают приглашения на вечеринки. В пятнадцать потеряла девственность с ровесником – сыном посла, который и научил ее готовить крэк: надо было всего лишь залить кокаин ацетоном для снятия лака и положить в морозилку. В шестнадцать попала в больницу, передознувшись метадоном. С тех пор ее регулярно то госпитализировали, то выписывали из клиник. Это был ее четвертый реабилитационный центр.

Они впервые занялись сексом в комнате отдыха, ключ от которой ей удалось раздобыть. После секса Лодовика погладила его больную руку и спросила, насиловал ли его Отец. Сама мысль показалась Данте настолько неслыханной, что он лишился дара речи. Между ним и Отцом не было и намек на подобное. Не сумев объяснить, какими были их отношения, как он любил своего похитителя вопреки всему, что тот совершил, Данте расплакался. Она положила его голову к себе на колени и убаюкивала его до рассвета.

Три месяца они были неразлейвода. Даже когда Лодовику выписали, она каждый день его навещала и несколько раз оставалась ночевать в его постели, прячась с головой под покрывало и смеясь как ненормальная, когда мимо проходил

санитар. А потом ее отец получил новое назначение – правительство отправило его в какую-то африканскую страну, – и Лодовика улетела вместе с ним. В день ее отъезда с Данте случился столь тяжелый приступ, что он не смог выйти из комнаты и не приехал попрощаться. Психиатр диагностировала у него психотический срыв, вызванный утратой.

Сейчас Данте гадал, не убила ли Лодовику тяга к саморазрушению, или же она вышла замуж за какого-нибудь сына дипломата. Он надеялся на второе, хоть и был бы в таком случае несколько разочарован.

Звонок в дверь оборвал его расплывчатые размышления. Данте замер. В дверь снова позвонили. С лестничной площадки донесся голос Коломбы:

– Господин Торре, это Каселли! Откройте, пожалуйста.

Он не пошевелился. Коломба снова нажала на звонок:

– Господин Торре, если вы в порядке и слышите меня, скажите что-нибудь.

Медленно, как сквозь патоку, Данте протянул руку и отодвинул задвижку замка. Сквозняк приотворил дверь.

Коломба слегка ее подтолкнула:

– Господин Торре?

За порогом стояла полная темнота. Не отрывая взгляда от дверного проема, Коломба машинально достала из кобуры новый пистолет и, взявшись за него обеими руками, вытянула перед собой; он казался непривычным, слишком легким. Указательным пальцем правой руки она сняла беретту

с предохранителя, затем во избежание случайного выстрела вытянула палец вдоль ствола. Она толкнула дверь ногой. Дверь, натолкнувшись на какое-то препятствие, слегка приоткрылась.

Коломба давно была на взводе, и это стало последней каплей. Темнота мгновенно вскипела тенями, в ушах зазвенело от ей одной слышных криков и шипения. Ее затрясло, легкие сжались, как кулак, в голове билась единственная мысль: *бегу!* Но она на нетвердых ногах вошла в квартиру и наставила дуло пистолета на съежившийся на полу комок, заблокировавший дверь. И только тогда поняла, что это завернувшийся в халат Данте.

Коломба почувствовала острую нехватку кислорода, ноги стали ватными. Она ударила в стену разбитыми костяшками пальцев, и электрический разряд, как всегда, разжал тиски паники. Глядя на гигантскую тень, которую отбрасывала ее стоящая против света с пистолетом в руках фигура, она вдохнула и закашлялась.

– Господин Торре, вы в порядке? – сдавленным голосом спросила она.

– Да, – не двинувшись с места, отозвался тот.

– Вы один?

– Да, только не стойте на свету. – Данте показал на окно. – Он там...

Коломба убрала пистолет в кобуру и на ощупь нашла выключатель галогенового освещения. Данте хлопнул ресни-

цами: поток света прогнал призраков прочь.

Коломба помогла ему подняться. Освещенная квартира казалась Данте поблекшим воспоминанием. Коломба щелкнула пальцами у него перед носом:

– Господин Торре, вы здесь?

– Да-да. – Данте присел на диван. Столбик его внутреннего термометра опустился до приемлемой отметки. – Почувствовал себя слегка потерянным.

– И часто с вами такое?

– В последнее время нет.

Коломба принесла Данте стакан воды, притащила из кухни стул и уселась на него верхом, опустив подбородок на ладони.

– Вы полагаете, что Отец за вами следит?

– Он оставил свисток для меня. Значит, ему известно, что я занимаюсь этим делом.

– Если вы так уверены, почему же ничего не сказали?

– Кому? Двум клоунам, что меня допрашивали?

– Мне.

Данте изобразил бледное подобие своей коронной иронической ухмылки:

– Я об этом не подумал.

– Вы хоть адвокату своему говорили?

– Он и без того слишком взволнован. – Данте опустошил стакан и поставил его на стопку журналов о путешествиях. – С чего это вы засомневались?

– Я видела отчет уголовно-аналитической службы. За пару часов до нашего приезда свистка там не было.

– И вы думаете, что это не просто совпадение.

– В возвращение вашего похитителя я не верю, господин Торре. Более того, у меня до сих пор нет никаких разумных оснований сомневаться в виновности Мaudжери.

– Так почему вы здесь?

– Потому что я *без всяких разумных оснований* боюсь, что могу ошибаться. И если я ошибаюсь, вам угрожает опасность.

На губах Данте наконец заиграла его обычная улыбка.

– Спасибо, что пришли на помощь. Я знаю, вам это дорого стоило.

– Мои расходы на бензин не так уж велики.

– Я не это имею в виду.

Коломба недоверчиво воззрилась на него:

– А что же?

– Вы страдаете от недуга, который, учитывая вашу работу, я бы определил как посттравматическое стрессовое расстройство. Приступы паники, чувство дезориентации... Когда вы вошли, я испугался, что вы выстрелите мне в лицо. Возможно, поэтому вы и не при исполнении.

– Вы были не в себе. Со мной все прекрасно.

– Вы сейчас потеряли нос. Вы лжете.

– Прекратите.

– Почему? Носы – такая интересная тема. Вы знали, что

длина большого пальца вашей руки и носа в точности совпадают?

Коломба подавила искушение немедленно это проверить.

– Ну ладно, можете вы сказать мне хоть что-то, что превратило бы мои опасения в обоснованные сомнения? Что-то, что я могла бы предъявить магистрату?

– Знаете, что Отец хотел дать мне понять этим свистком?

– Он мертв, Торре. Вот уже много лет.

– Он хотел сказать: «Держись подальше от моей территории». Именно так я и собираюсь поступить.

– Хотя это и смехотворно, но допустим, это Отец... Вы не можете знать, что у него на уме. Повторить вам, что вы говорили про неисповедимые пути?

– У вас есть другие предложения? – спросил Данте.

Коломба замялась. Она вот-вот впутается в дело, заниматься которым у нее не было ни малейшего желания. В то же время она понимала, что уже оказалась в него замешана.

– Я могу помочь вам в ваших изысканиях. Предоставить вам доступ ко всем документам, связанным с вашим делом и с делом Мауджери, – сказала она.

– И что я должен с ними сделать?

– Докажите свои слова. Докажите, что папаша не убил мальчика, что у преступления есть общие черты с вашим похищением. Я добьюсь, чтобы материал попал в нужные руки, у ребенка появится шанс на спасение, а вы будете в безопасности.

– А если у меня ничего не выйдет?

– Это будет означать, что ребенка убил Мауджери, а на вас никто не охотится. Вы вернетесь к своей жизни, ну а я – к своей.

Данте откинулся на спинку дивана.

– Что с вами произошло?

– Простите?

– Почему вы так переживаете за меня и за этого мальчика?

Мы вам никто, но вы хотите нам помочь, хотя в этом нет ни капли смысла.

– Может, мне просто осточертело сидеть сложа руки.

Данте прищурился. На секунду в его глазах появился безжалостный, хищный блеск.

– А может, вы хотите искупить грехи. Грехи, которые не дают вам спать и камнем давят на сердце.

На этот раз на лице Коломбы не дернулся ни один мускул.

– Я прекрасно сплю.

– Вы просите меня о сотрудничестве и продолжаете лгать о своем состоянии. Думаете, это правильно?

Коломба невольно отвела глаза, и Данте понял, что ей стыдно. Когда-то такое случалось и с ним.

– Если вы действительно хотите помочь, я должен вам доверять, – продолжал он. – Мне нужна правда. Ваша правда. Иначе я просто раскопал бы вашу подноготную в интернете.

Коломба резко встала, и Данте с сожалением подумал, что она сейчас уйдет и он уже никогда ее не увидит. Однако она

лишь устраивалась поудобнее. Она стянула ботинки и принялась растирать ледяные ступни. Данте гадал, куда подевались ее носки, ведь она не переодевалась с полудня.

– В интернете вы не найдете интересующих вас сведений. Мое имя нигде не упоминается. Полицейская тайна. – Она снова взглянула на него. – Вот как мы поступим, господин Торре. Если однажды я почувствую себя особенно непринужденно в вашей компании, а я не утверждаю, будто это когда-нибудь случится, или в один прекрасный день буду в очень уж хорошем настроении или, наоборот, в плохом, то расскажу вам всю историю. Ну а пока довольствуйтесь тем, что я умею справляться со своими приступами.

– Без помощи психотропных препаратов.

– Не люблю накачиваться всяким дерьмом. Но в каком бы состоянии я ни находилась, я никогда не применю оружие без реальной необходимости и никогда не подвергну вас опасности.

– Сколько раз вам приходилось стрелять в людей, КоКа?

– КоКа – идиотское прозвище. И я даже об этом не собираюсь вам рассказывать. Придется вам принять меня такой, как есть.

Данте посмотрел ей в глаза, которые теперь приобрели ореховый оттенок. Эти глаза заставили его сказать «да». Самый рациональный из людей – таким, по крайней мере, он привык себя считать – растаял от одного женского взгляда. Он поднялся:

– Сделаю вам кофе, перед тем как вы снова выйдете на холод.

Коломба встала:

– Я не намерена никуда уходить. Но кофе мне не помешает, потому что мне предстоит кое-какая работка. Собираюсь обыскать вашу квартиру.

12

Данте недоуменно моргнул:

– Похоже, я еще не пришел в себя. Мне слышалось, вы сказали «обыскать».

Коломба уже осматривалась по сторонам:

– Если за вами действительно следят, то не в бинокль. Или не только в бинокль. Поищу у вас микрофоны и скрытые камеры.

Данте нервно посмотрел на дом напротив, в окнах которого горел свет.

– Вы правда собираетесь рыться в моих вещах?

Коломба приподняла бровь:

– Если не хотите, чтобы я что-то видела, можете это спрятать.

– А-а? Нет... Вы меня не так поняли. Я не храню дома ничего незаконного, разве что кое-какие купленные через интернет лекарства. Я просто не хочу, чтобы вы перевернули вверх дном мой архив. – Данте запахнул халат, подошел к

гостевой комнате и открыл дверь. – Вот, взгляните.

Коломба остановилась на пороге.

Комната периметром три на четыре метра была доверху забита коробками. К выходящему во внутренний двор окну вел узкий проход, над которым голо болталась на шнуре тусклая лампочка.

– Архив утраченного времени, – произнес Данте.

– Простите?

– Что вы помните о событиях, произошедших в восемьдесят четвертом году?

– Вот так с ходу? Ничего.

– Группа «Альфавиль» возглавила хит-парады с синглом «Forever Young». – Он, почти не сфальшивив, напел ей припев.

– О да.

– Вышел «Красный рассвет» Джона Милиуса. Отличная картина. А ремейк отвратительный.

Коломба смутно припоминала этот фильм:

– И?

– КоКа, я не знаю, что именно делает нас теми, кем мы являемся.

– Перестаньте звать меня КоКой.

– ...Но отчасти это воспоминания. Даже те, что кажутся незначительными. – Данте открыл коробку возле входа и достал синюю игрушку. – Как, например, вот это.

Коломба мгновенно ее узнала:

– Это же Благоразумник из «Смурфов»!

– В киндер-сюрпризах была коллекция смурфиков. Если быть точным, в восемьдесят девятом. Вам родители их покупали?

– Да. Мы еще менялись повторками с одноклассниками.

– С тех пор как Отец меня похитил, он никогда не давал мне сладости. Только то, что считал здоровой пищей. Он никогда не разрешал мне слушать музыку, не показывал фильмы. Я узнал о существовании Благоразумника на «eBay», где заплатил за него сорок евро. – Он улыбнулся. – По мнению коллекционеров, я провернул выгодную сделку.

– Вы пытались наверстать все, что потеряли за годы в башне, – потрясенно сказала Коломба.

«Бедняга, – подумала она. – Даже стены тюрьмы строгого режима не могли бы настолько отрезать его от мира. То, что он оправился, пусть и не полностью, – настоящее чудо».

Данте кивнул:

– Началось с того, что я не понимал некоторых отсылочек, которые делали мои ровесники. Они заговаривали о каком-нибудь фильме или начинали сходить с ума по какой-нибудь всем известной песенке, которую я впервые слышал.

– Вы собираете все?

– Нет. Только то, что связано с западной поп-культурой. Официальную историю можно изучить по книгам, но вам придется посмотреть телешоу и поиграть в игрушки, если вы

хотите хоть немного в них разобраться. Если хотите что-то понимать в музыке, необходимо ее послушать. Хотя диски я не покупаю с тех пор, как появился «*Spotify*»⁴.

– Половину из того, что вы находите, все давно позабыли.

– То есть *думают*, что позабыли. Сколько лет вы не вспоминали, как обменивались смурфиками в школе?

– Давненько.

– Но вы моментально их вспомнили. Ваше поведение, манера говорить, чувство юмора, механизм принятия решений – все это формируется под воздействием опыта. Без коробок утраченного времени я не смог бы выполнять свою работу. В прошлом году я нашел сбежавшую из дома девочку с биполярным расстройством, потому что понял, что подразумевала ее сестренка, когда сказала, что та «уехала со Скуби-Ду»⁵.

– И что же?

– «Фольксваген-транспортёр Т2». Ребята из корпорации «Тайна» разрисовали свой «фургончик тайн» цветами, потому что были хиппи. Вы знаете, что существует теория, согласно которой этот самый Скуби – всего лишь галлюцинация его закинувшихся ЛСД приятелей?

– Теории существуют обо всем на свете, – без всякого интереса сказала Коломба и показала на комнату. – Можно?

⁴ Музыкально-потокосый сервис (англ.).

⁵ *Скуби-Ду* – вымышленный пес, персонаж одноименной серии мультсериалов, впервые появившийся в мультсериале «Скуби-Ду, где ты!» в 1969 г. и ставший героем 70-х.

– Пожалуйста.

Пока Данте опасно маячил на пороге, Коломба вошла и наугад открыла одну из коробок. Та была полна видеокассет. На первой из них была запись телепередачи.

– «Нон-стоп», – прочитала она.

– Это эстрадное шоу, которое шло с семьдесят седьмого по семьдесят девятый год. Старые фильмы время от времени крутят по телевизору, но передачи приходится доставать через телекомпании или коллекционеров.

– Груда барахла.

– В этом выпуске какой-то тип, одетый под моряка, запикивает в рот целые чашки.

Что-то полузабытое всплыло в памяти Коломбы.

– Джек Ла Кайен!⁶ Меня еще и в проекте не было, откуда я могу его помнить?

– Он стал частью коллективного сознания. Или, что более вероятно, вы видели отрывки из его номеров во время повторов передачи. Теперь видите, что я прав?

Коломба, скептически хмыкнув, закрыла коробку:

– Здесь вся ваша коллекция?

– Нет, здесь только то, что я еще не посмотрел. Полная коллекция в хранилище, которое я арендую на складе. Я плачу одному парню, чтоб раз в месяц стирал с нее пыль. Я за-

⁶ Джек Ла Кайен – итальянский актер, комик, мим, музыкант и танцор. В 1978 г. принимал участие в развлекательной телепередаче «Нон-стоп», где, помимо прочего, помещал себе в рот целую кофейную чашку, что стало одним из его наиболее известных номеров.

вещаю ее созданному мною фонду.

«Они ее сожгут», – подумала Коломба.

– Тогда отсюда и начну, если вы не против, – сказала она. – Похоже, здесь придется попотеть. Обещаю, что поставлю все на место.

Данте кивнул:

– Но раз уж ты собралась копаться в моих вещах, давай, если не возражаешь, перейдем на «ты». Мне будет не столь неловко.

Она кивнула:

– Конечно не возражаю.

Данте протянул ей здоровую руку:

– Зови меня Данте.

– Коломба. – Она ее пожала.

– КоКа.

– Иди на хрен.

Он рассмеялся.

– Я заварю тебе хороший кофе.

Остаток ночи Коломба открывала всевозможные ящики и коробки, переставляла мебель, простукивала плитку и разбирала розетки и светильники. Хотя Данте звукоизолировал пол и стены, она старалась не шуметь, чтобы не разбудить соседей. Пару раз она пошатнулась от усталости, но это была далеко не первая ее бессонная ночь, а рыться в вещах Данте было куда интереснее, чем просиживать штаны в полицей-

ском фургоне прослушки с наушниками на голове.

В архиве Данте оказалось множество сувениров из старых добрых времен. Она даже нашла флакон духов с ароматом пачули, какими пользовалась еще в старшей школе. Вдохнув запах, она изумилась, насколько изменились ее вкусы.

Первые пару часов Данте хвостом ходил за ней, превознося ту или иную вещицу или привлекая к ней внимание Коломбы. Казалось, для каждой безделушки у него наготове бездонный запас историй. Затем язык у него начал заплетаться, и вскоре Коломба нашла его спящим без задних ног в кровати на балконе. Она вздохнула с облегчением. За последние пару дней Данте успел пообщаться со столькими людьми, сколько не видел в предыдущие полгода. Немного покоя ему не помешает.

В семь утра Данте открыл глаза и увидел, как Коломба выходит из ванной с собранными на затылке мокрыми волосами и зажатой в ладонях бульонной чашкой. Футболка липла к ее влажной коже. Она закончила с обыском и приняла душ.

– Не хотела тебя будить, – сказала она.

Данте перекатился на край кровати, закутав обнаженное тело в одеяло. Он забыл, кто она такая, и на миг принял ее за свою бывшую.

– Что у тебя в чашке?

– Латте.

Данте содрогнулся:

– Какой сорт кофе ты использовала?

– Не знаю, взяла первый попавшийся.

– *Какой попало* кофе я в доме не держу, – пробормотал Данте.

– Прими душ, потом поговорим, – проворчала она.

– Да, госпожа. – Данте проскользнул в ванную и спустя полчаса вышел в черном костюме, рубашке и галстукe того же цвета. На его коже еще поблескивали капли воды.

Коломба дожидалась за кухонным столом, жуя ломоть черствого хлеба.

– Ты всегда одеваешься как могильщик? – мрачно спросила она.

– Скорее как Джонни Кэш⁷.

– Кто-кто?

– Проехали. Ну так что?

– Пусто. Я даже телик разобрала. Возможно, твоя паранойя – всего лишь паранойя.

– Или он прослушивает меня с помощью лазера, который считывает вибрацию оконных стекол, – сказал Данте.

– Ты начитался всякой брехни. Как бы там ни было, здесь тебе оставаться нельзя.

Данте замер, не успев поднести чашку к губам:

– Ты шутишь?

– Скорее всего, никакие разгуливающие на свободе пси-

⁷ *Джонни Кэш* (1932–2003) – американский певец и композитор, работавший в стиле кантри. Его называли «Человек в черном» (англ. *Man In Black*), поскольку с 1960-х гг. для него было характерно ношение темной одежды.

хопаты за тобой не следят и зла тебе не желают, но, если свисток действительно повесил похититель, ты для него – идеальная мишень. Консьержа у тебя в доме нет, спишь ты чуть ли не на улице, кто угодно может видеть тебя в окно...

– А может, просто вызовешь патрульную машину, пусть подежурит внизу? – предложил Данте, чувствуя, как поднимается столбик его термометра.

– У меня нет подобных полномочий.

– Разве я не свидетель?

– Данте, все, кто работает над этим делом, считают убийцей неуравновешенного мужа. И честно говоря, я и сама полагаю, что это самая правдоподобная версия.

– Но не самая предпочтительная.

– Ты правда предпочел бы, чтобы за убийством стоял серийный похититель?

– Если это Мауджери, то сына он уже убил. Но Отец оставит мальчика в живых, пока может скрывать его в надежном месте.

Оба варианта казались Коломбе одинаково безнадежными.

– Утром я позвонила Ровере. Он обеспечит нам все, о чем мы попросим, включая информацию о ходе расследования.

– Какой ему смысл рисковать карьерой? Помимо того, чтобы подпортить репутацию магистрату?

Коломба задумалась, потом покачала головой:

– Может, ему этого достаточно. Итак, куда переезжаем?

– Мы с тобой что, съезжаемся?

– У тебя нет ствола. У меня есть. Пока я не буду уверена, что все твои страхи – просто паранойя, я от тебя не отлипну. Поверь, меня это радует не больше, чем тебя.

– Пожалуй, есть одно местечко, где мы можем пожить, – с улыбкой сказал он. – Мне нужно сделать пару звонков.

– Кому это?

– Сюрприз.

– Всегда ненавидела сюрпризы.

– Я почему-то так и думал.

Данте отошел позвонить, а Коломба растянулась на кровати, чтобы немного вздремнуть. Тем временем на тротуаре под балконом остановился никем не замеченный мужчина в застегнутом до горла дождевике. В руке он держал пластиковый пакет с продуктами, необходимыми, чтобы обеспечить недельное сбалансированное питание шестилетнему ребенку. Ребенку, который отказывается от еды и во весь голос зовет родителей. Мужчина в дождевике знал, что скоро мальчик станет более сговорчивым. Так уж все устроено. Если только кое-кто не сунет нос в чужие дела и все не разрушит. Мужчина в дождевике поднял глаза на окна седьмого этажа. Происходящее сейчас в квартире Данте ему совсем не нравилось.

Придется принять меры.

V. Ранее

В глубине отделанной тисом и рисовой бумагой гардеробной лежит поддельный рюкзачок «Инвикта», в котором спрятана скороварка, содержащая около двух килограммов смеси гексагена, также называемого RDX, и полиизобутилена. Из этого чрезвычайно стабильного матово-белого состава, известного под аббревиатурой «С-4» и напоминающего консистенцией пластилин, можно лепить; его можно раздавить, намочить и даже поджечь, будучи относительно спокойным за собственную безопасность. Чего не следует делать, так это поджигать и сжимать его одновременно или нагревать до температуры двести пятьдесят градусов Цельсия. Это приведет к взрыву огромной силы. «С-4» – мощная взрывчатка, часто используемая военными. Во время войны во Вьетнаме солдаты поджигали ее, чтобы согреться. Или глотали, чтобы попасть в лазарет. Изготовить ее относительно просто даже в кустарной лаборатории, хотя сам процесс представляет некоторый риск. Поэтому пластид часто используется и террористами.

В 21:30 цифровой таймер, изначально являвшийся частью водонагревателя шведского производства, посылает электрический импульс от четырех пальчиковых батареек к маленькой стальной капсуле. Это детонатор, содержащий двадцать граммов черного пороха. Детонатор срабатыва-

ет, вызывая повышение температуры, необходимое, чтобы привести в действие бомбу. «С-4» взрывается и мгновенно распадается, выделяя газы, расширяющиеся со сверхзвуковой скоростью, а именно восемь тысяч пятьсот пятьдесят метров в секунду. Скороварка разлетается на куски, высвобождая раскаленную от скорости воздушную массу.

Куски скороварки, щепки гардеробной, цементная пыль и раскаленный воздух накрывают сидящую возле входа пожилую пару. Мужчину буквально подбрасывает в воздух. На миг он, коснувшись бедром стола, замирает в позе распятого, затем его конечности вырывает из суставов, а щепки, осколки и пыль пронзают его насквозь.

Ударная волна катится дальше и настигает его сидящую жену. Все еще погруженную в мрачные мысли женицину с поникшей головой скручивает в позу эмбриона. Ее как бы отбрасывает назад, но с каждым мигом ее тело теряет плотность. Оно, так сказать, превращается в крошево. Фрагменты ее тела, тела ее мужа, их столика, бокалов и бутылки шардоне, содержимое которой испаряется, приумножают облако осколков. Облако накрывает парочку, управляющую годовицину за столиком позади пожилых супругов.

Сперва волна ударяет жену. В ее левую глазницу вонзается десертная ложечка, а тело перелетает через стол и шибают ее мужа, который начинает вместе со стулом соскальзывать назад с загорающим меню в руке. Но пламя еще не успевает вспыхнуть, когда ударная волна и салат из

осколков обрушиваются на директора фирмы по производству микрокомпонентов и на детективный роман, который он читал. Лучевая и плечевая кости пожилой женщины, подобно копыю, протыкают ему череп и грудь. Он падает назад, задевая развороченным затылком ноги молодого мужа, чье тело продолжает лететь через зал.

Волна поглощает компанию японских бизнесменов и метрдотеля. Из-за встреченных на пути препятствий и сопротивления воздуха кинетическая энергия распределяется неровно, в связи с чем сила и направление удара оказываются неравномерными. Поэтому пятерых мужчин не просто подкидывает над землей, а разрывает одновременно в разные стороны, словно приговоренных к четвертованию с помощью лошадей. Трое японцев лишаются верхних конечностей. Плоть на спине четвертого расходится от лопаток до копчика, обнажая позвоночник. Частично защищенного телами четырех японцев, но более высокого, чем они, метрдотеля ударяет в затылок крупный, как кусок мыла, обломок бетона. Обломок проходит сквозь кости и мягкие ткани и вылетает изо рта. Метрдотель валится вперед, в то время как ударная волна, осколки и обломки достигают окон. Стекла разлетаются вдребезги. Часть взрывной энергии рассеивается наружу, но этого недостаточно. Осколки, обломки и раскаленная пыль продолжают нестись по залу.

Они превращают в решето официанта, дожидającego, пока диджей отпустит очередную остроту. Они продыряв-

ливают ему спину, превращая в пюре сердце, легкие, печень и кишки, выходят насквозь, прошивают лицо агента, который до сих пор мучительно пытается вспомнить название фильма, и швыряют диджея и его влюбленную подружку о несущую колонну. Их все еще переплетенные руки отрывает от тел и отбрасывает в сторону четырех албанских моделей и их спутника. Вслед за тем моделей накрывает град бетонных глыб. Пылающий обломок гардероба около пятидесяти сантиметров длиной впивается в позвоночник одной из девушек чуть повыше тату с парой целующихся бабочек и выходит через пупок. Ударная волна сшибает группу, как кегли, и все пятеро, воспламенившись от трения, скользят по полу зала. Грудина парня ломается, прогибаясь внутрь, и расплющивает сердечную мышцу.

Пока голова диджея все больше запрокидывается назад, ломая шейные позвонки, тело молодого мужа вылетает из разбитого окна. Он начинает падать на дорогу в то же мгновение, когда одна из моделей – та, что собиралась отойти, чтобы снюхать очередную дорожку, – врезается в другую несущую колонну, размозжив кости таза. Тем временем столешницу стола, за которым сидели модели, подкидывает вверх. Она летит, как тридцатикилограммовая тарелка фрисби.

Ударные волны продолжают распространяться. Некоторые из них поражают зал ресторана, в то время как другие устремляются вниз по лестнице. Сжатый, свистящий,

как поезд в тоннеле, воздух все больше накаляется. Он выдирает часть поручня перил, срывает со стен штукатурку и с грохотом врывается на нижний этаж. Бармену шишбает на пол, с дрожащих, словно от землетрясения четвертой степени, стен валятся полки и бутылки, витрины со сладостями разбиваются, и на женщину опрокидывается кофемашина, ломая ей шесть ребер и позвонок. Взрывная волна достигает бутика. Потолочные перекрытия одного из туалетов обрушиваются, таща за собой электропроводку и вырубая электроэнергию на нижнем этаже. Падают манекены и комод. Витрины бара и бутика лопаются, осыпая стеклом припаркованные поблизости автомобили. На один из них – нелегально припаркованный «сма́рт» с включенной аварийкой, владелец которого пьет аперитив в двух шагах от машины, – приземляется молодой муж. Он врезается в крышу машины всей верхней частью тела. К моменту столкновения на его лице не остается почти ни следа от носа, губ и век.

Падает и превратившийся во фрисби стол. Описав дугу, тяжелая столешница уже через несколько метров теряет едва ли не весь первоначальный динамический импульс. Стоило ей слегка задеть одну из колонн или столкнуться с очередным вихрем горячего воздуха – и она отлетела бы в сторону, не принеся никакого вреда. Но сегодня не день чудес, и фрисби беспрепятственно описывает полную траекторию. Женщина с пронизательным взглядом не успевает ее по-на-

стоящему увидеть, но позже будет убеждена, что как минимум ощутила краем глаза тень несущегося на нее болида. Столешица приземляется прямо на женицу, опрокидывает ее на пол и вышибает из нее воздух и сознание.

Прошло три секунды с момента взрыва. Рев эхом отскакивает от фасадов домов и достигает площади. Голуби взмывают в воздух.

Потом раздаются крики.

VI. Домашние визиты

1

Отель «Империо» представлял собой сочетание современного псевдояпонского дизайна и экоархитектуры. В коридорах звенели декоративные водопады, а на крыше пятнадцатизэтажного дома росла трава. Под отель было перестроено конторское здание начала девятнадцатого века, расположенное в переулке поблизости от Корсо – главной торговой улицы Рима – и в двух шагах от Алтаря Мира. На краю внутреннего сада с претензией на японский стиль и дзен-буддистской тропинкой из белых камней была размещена застекленная веранда, где находился бар.

Коломба пересекла мраморный холл. В джинсах и с рюкзаком за плечами она чувствовала себя не в своей тарелке. Будучи при исполнении, она привыкла размахивать удостоверением, которое, как по волшебству, открывало перед ней все двери, но в качестве гражданского лица ощущала в обществе определенную неловкость. Нужно было слушать внимательнее, когда мать объясняла ей, как ведут себя воспитанные девушки.

– У вас должна быть забронирована комната на имя гос-

подина Торре, – сказала она портье за стойкой, в то время как мимо проплывал целый гарем девушек в чадре в сопровождении двух бородатых телохранителей.

Портье сверился с компьютером и расплылся в улыбке:

– Конечно, синьора. Управляющий сейчас же проводит вас в номер люкс.

Состроив невозмутимое лицо, Коломба подумала: «Люкс?!» Она начала было доставать документы, но портье только всплеснул руками:

– Что вы, ничего не нужно. Если вам угодно пока присесть...

– Я буду в саду.

– Прекрасно, синьора. Не желаете ли выпить?

– Нет, спасибо. Мне и так неплохо.

Слегка ошарашенная, она вышла в сад, где среди карликовых пальм и олеандров ее дожидался Данте. Он покуривал сигарету и изучающе разглядывал тюнингованную блондинку за соседним столиком. Чтобы справиться со стрессом от переезда, Данте под завязку накачался ксанаксом. Взгляд у него был довольно осовелый.

– Скажи-ка, сколько у тебя бабла? – спросила Коломба.

– Если ты возьмешь меня за лодыжки и перевернешь вверх тормашками, из моих карманов не вывалится ни гроша.

– Брехня. Без платиновой карты тебя здесь даже в мусорке порыться не пустили бы.

– Помнишь, я рассказывал про девушку, уехавшую на фургончике Скуби-Ду?

– От маляра не страдаю.

– Это дочь владельца отеля. Я согласился принять оплату бартером. Теперь стоит мне снять трубку – и меня ждет номер люкс, даже если отель переполнен. Бесплатно.

– На черта тебе это надо, если ты из дому не выходишь?

– Это производит впечатление на девушек.

– Типа блондинки, что сидит позади меня? Тут, кроме платиновой карты, тебе ничего не поможет.

– Дай помечтать.

Появился управляющий и едва не отвесил им земной поклон, двое носильщиков загрузили чемоданы Данте и рюкзак Коломбы на тележку для багажа и исчезли в направлении грузового лифта, а их самих проводили к красовавшейся посреди холла стеклянной кабине лифта, который должен был отвезти их на верхний этаж. Кабина была совершенно прозрачной и двигалась так плавно, что Данте, хоть и не скрывая некоторого беспокойства, решил в нее войти.

– Это мой первый лифт за десять лет, – радостно объявил он.

Воспользовавшись медленным подъемом, Коломба сверху оглядела охрану отеля. Она заметила в холле по меньшей мере четырех охранников в темных костюмах и с гарнитурой в ушах, широкоплечих, как бывшие военные. Учитывая ранг клиентуры, они должны действовать эффективно и замечать

малейшие отклонения от нормы. Неспроста все они устали на нее, как только она вошла. Не спрячь она пистолет в косметичку – для пиджака день был жарковат, – они бы точно его заметили.

Лифт остановился напротив двери в люкс, которую распахнул перед ними остановившийся на пороге управляющий.

– Господин Торре отлично знает нашу гостиницу, поэтому я избавлю вас от экскурсии. Если вам что-то понадобится, прошу вас, обращайтесь ко мне, – сказал он.

Коломба протянула было ему документы, но управляющий притворился, будто их не заметил, и с улыбкой вошел в лифт. Снова почувствовав себя не в своей тарелке, Коломба спрятала их в карман.

– Почему они не спрашивают у меня удостоверение личности? – спросила она Данте.

– Я уже зарегистрирован, а мои гости вправе рассчитывать на конфиденциальность. Это дополнительное преимущество.

– Это незаконно.

– Господи, какая же ты зануда!

– Когда в следующий раз его увидишь, объясни ему, что я не одна из твоих любовниц.

Номер состоял из двух спален, к каждой из которых примыкала сибаритская ванная комната, и просторной гостиной с камином, возле которого прибывшие через пять минут ра-

бочие установили профессиональную кофемашину и электрическую кофемолку.

– Дай угадаю, – сказала Коломба. – Еще одно дополнительное преимущество.

– Точно.

– Может, тебе еще и спинку трут в душе?

– Только по особому запросу, – ухмыльнулся Данте.

Он выделил Коломбе спальню поменьше, которая была размером с половину ее квартиры, а сам обосновался в большой, объяснив, что в ней гораздо больше окон и есть терраса, джакузи и сауна.

– Там я и буду спать.

– А как же круглая кровать? – спросила Коломба, которая видела такие кровати только в кино.

– Она не для сна, – подмигнул он. – Если ты понимаешь, о чем я.

– Нет, не понимаю, – фыркнула Коломба и выглянула на террасу: та выходила во внутренний сад.

Других зданий поблизости не было. Конечно, на сто процентов она уверена не была, но, учитывая потребности Данте, выбор стоял между этим отелем и сном под открытым небом где-нибудь в полях.

– Задергивай шторы, когда ложишься спать, о'кей? – сказала она. – И не включай свет в спальне, иначе снаружи будет видно твою тень.

– Боишься, что меня пристрелит снайпер? – спросил он,

неуверенный, будет ли уместно пошутить.

– Ничего я не боюсь, просто делай, как я сказала.

– Да, мама.

Коломба пошла к себе, чтобы распаковать вещи. Кровать в ее спальне была обычной прямоугольной формы, зато размера «кинг-сайз» и с пышным стеганым покрывалом. На одной стене висел плазменный телевизор, вдоль другой стояли сейф и книжные полки. Вот уже в сотый раз за день она спросила себя, был ли смысл перевозить неуравновешенного затворника из-за какой-то невнятной опасности, или ей просто передалась его паранойя. Она надеялась, что это выяснится до того, как она вляпается в еще большие неприятности. Положив в ящики гардероба смену одежды и оставив туфли в ванной, она вернулась в гостиную.

Данте заметил, что она снова повесила на пояс кобуру, но предпочел промолчать. Он вытаскивал из чемоданов пакетики с зерновым кофе, расставляя их в алфавитном порядке в барном шкафу за эспрессо-машиной. «Блю маунтин», выдержанный колумбийский, «мерида»... По комнате распространился аромат жареного кофе.

– Над нами прекрасный бассейн с подогревом и, представь себе, со стеклянной крышей. Можем поплавать там и выпить по аперитиву, – сказал он.

– У меня предложение получше. Возьмемся за работу.

Данте вздохнул:

– А ты не слишком-то любишь радости жизни.

Меньше чем через полчаса предупрежденный об их переезде Альберти уже выгружал в лобби две коробки документов. Коломба спустилась, чтобы их принять. Альберти был одет в штатское.

– Ты же на личной машине приехал?

– По правде сказать, у меня нет машины. Но я одолжил машину у друга.

– Молодец.

Его нос уже не казался таким распухшим, хотя и ясно было, что прежним ему не стать. Однако, по мнению Коломбы, выглядел Альберти не так уж плохо. Теперь он казался более взрослым. Агент помог ей дотащить коробки на этаж и с любопытством поглядел на дверь люкса:

– Госпожа Каселли, вы и правда здесь живете?

– Остановилась всего на несколько дней. И за номер не плачу, – ответила она, с садистским удовольствием захлопывая дверь у него перед носом.

– А вот и Санта! – воскликнул Данте при виде коробок. – Почему вы никогда не оцифровываете информацию?

– По делу Мауджери у нас почти все оцифровано, – сказала Коломба, открывая коробки. – Но твое дело еще по большей части на бумаге. На оцифровку старой фигни не хватает ресурсов.

– Я не «старая фигня», – возмутился он.

Коломба протянула ему несколько папок:

– Радуйся, что Ровере хоть это достал.

– С чего начнем? – раскрыв одну из папок, спросил Данте.

Внутри оказался отчет одного из следователей по его делу.

– С тебя. О твоём деле я знаю меньше.

– Я сварю кофе.

В следующие двадцать четыре часа, проведенные за непрерывным просмотром и обсуждением документов, Коломба и Данте выпили немало кофе. Они заказывали еду в номер и прерывались, только чтобы поспать. Комната Данте, куда он строго-настрого запретил входить горничным, постепенно покрылась слоем документов и фотографий. Чтобы сменить диспозицию, Коломбе приходилось лавировать между стопками бумаг и пустыми чашками, но большую часть времени она, лежа на кушетке Ле Корбюзье⁸, расспрашивала Данте о его истории. Впервые с момента освобождения он рассказывал обо всем в мельчайших деталях.

Данте держали в силосной башне на ферме отставного капрала Антонио Бодини, получившего ее в наследство от родителей. Силосов для хранения пшеницы у отца Бодини было два, но незадолго до смерти он продал большую часть земли – теперь ее обрабатывала сельскохозяйственная компания, – и с тех пор ни один из них не использовался, по крайней мере официально. В те одиннадцать лет, что Данте

⁸ *Ле Корбюзье* (настоящее имя Шарль-Эдуар Жаннере-Гри) – французский архитектор швейцарского происхождения, пионер архитектурного модернизма и функционализма, представитель архитектуры интернационального стиля, художник и дизайнер.

провел в заточении, Бодини жил обычной жизнью: работал в огороде, кормил кур и получал пенсию на почте. Местные знали его как человека молчаливого и застенчивого, слишком неотесанного, чтобы завести семью. Он мог перекинуться парой слов с местными, когда заходил за покупками, но даже в баре всегда пил в одиночку. Летними вечерами можно было видеть, как он сидит за столом перед своим домом, в майке и потертых спортивных штанах. Известие о том, кем он был на самом деле и что совершил, потрясло всю округу. С тех пор его называли не иначе как психом. Могилу Бодини дважды оскверняли. Наконец его останки выкопали, кремировали и перезахоронили в общей могиле. По мнению следователей и экспертов, мотивом похищения Данте послужило неудовлетворенное желание Бодини иметь семью, которое со временем свело его с ума.

– Проблема в том, что он – не Отец, – сказал Данте.

Коломба полистала документы:

– Единственные найденные отпечатки принадлежат ему, силосная башня находилась в его собственности, и больше никого с ним никогда не видели.

– Какой у меня акцент? – спросил Данте.

– Акцент? – Коломба задумалась. – Вроде североитальянский, но иногда ты и римские словечки употребляешь. Хотя акцент у тебя почти незаметный.

– Я говорил с северным акцентом, уже когда сбежал из башни. Разве что римских выражений не употреблял.

– И что?

– Бодини закончил лишь пять классов начальной школы и почти всегда изъяснялся на кремонском диалекте. Он бы не мог дать мне образование.

За время заточения похититель научил Данте читать, писать и считать с помощью старых учебников. Некоторые из них позже обнаружила полиция: как выяснилось, это были издания начала шестидесятых годов, скорее всего купленные на каком-нибудь книжном развале. У Отца было весьма странное понятие об образовании.

– Иногда он заставлял меня вызубривать наизусть длинные отрывки из книг, которые я и в глаза не видел, – рассказывал Данте. – Приносил вырванные страницы и оставлял у меня в башне на ночь. Если на следующий день я ошибался, он лишал меня пищи и воды или... – Он поднял больную руку.

Отец заставлял его бить по ней розгой или ножом. Эта часть тела предназначалась для телесных наказаний. Данте выучил наизусть отрывки из важнейших итальянских поэтов и писателей до начала девятнадцатого века и до сих пор мог цитировать их по памяти. Ему так никогда и не выпало возможности полностью прочесть некоторые из этих текстов. Отец был одержим Кремоной. Данте пришлось изучить каждую улочку на карте города как свои пять пальцев, а в качестве одной из мнемонических игр Отец показывал ему фрагменты фотографий памятников и палаццо, чтобы тот их

назвал. По мнению экспертов, обследовавших Данте после освобождения, единственной целью подобных упражнений была демонстрация власти.

– Может, Бодини был самоучкой, который скрывал свою эрудицию от мира.

– Так и твои коллеги говорили. Но это совершенно неправдоподобно.

– К тому же на книгах нашли только его отпечатки. А также его ДНК, – сказала Коломба, сверяясь с отчетом. – Тут написано, что в конце девяностых была проведена экспертиза образцов. Это ты ее запросил?

– Да. Во время моего освобождения такие методы еще не использовались. Экспертизу пришлось оплатить самому, но все равно ничего не вышло.

– И все-таки ты убежден, что Отец и Бодини – два разных человека.

– Бодини лишь сдавал ему игровую площадку. В этом я уверен. В том числе потому, что видел его в лицо, и это был не Бодини.

Коломба поудобнее устроилась на кушетке. К вечеру второго дня их изысканий ей не удалось найти ни подтверждений теории Данте, ни явных неувязок в его рассказе. Мыслил он вполне здраво и до мельчайших деталей помнил все, что с ним произошло. И не только. У него вообще была отличная память.

– Расскажи мне, – попросила она.

– Здесь все написано.

– Не все. Сам знаешь.

Данте с притворным безразличием пожал плечами:

– Как пожелаешь. В бетонной стене силосной башни была трещинка. Маленькая, скрытая чердаком, где я спал. Я подглядывал в нее, когда был уверен, что Отец не заметит, и даже тогда... – Он покачал головой. – Я всегда был убежден, что он за мной наблюдает.

– Что ты оттуда видел? – спросила Коломба.

– Часть поля и другую башню. Она была точно такой же, как моя, но я думал, что она пуста.

– Но, как ты заявил в своих показаниях, она не пустовала.

– К сожалению, мои слова не нашли подтверждения. Входные двери в башни находились с противоположных сторон. Выглядели башни обыкновенно, но Отец или Бодини их звукоизолировал. По крайней мере, мою: снаружи меня было не слышно, даже когда я стучал кулаками в стену. Стучать я перестал уже через неделю заключения.

– Значит, и ты, в свою очередь, не слышал, что происходит снаружи.

– Да, до меня мало что доносилось. Грохот проезжающих по местной дороге грузовиков, сирены «скорой помощи», гром... Иногда крики птиц. Зато внутри каждый звук отдавался гулом, взлетал до самой кровли и обрушивался мне на голову. – Данте поежился. – Знаешь, что самое невероятное?

Боясь, что ее голос дрогнет, Коломба молча покачала го-

ловой.

– Что я выжил. Мне самому это кажется невероятным. Черт, ко всему привыкаешь.

Данте вышел на балкон покурить. Весь пол уже был зава-
лен окурками. Когда десять минут спустя он вновь вошел в
комнату, к нему, казалось, вернулось спокойствие.

– Думаю, во вторую башню Отец заходил через дверцу с
противоположной стороны, по крайней мере с тех пор, как я
начал подсматривать в щелку. Может быть, он делал это с на-
ступлением темноты, потому что я никогда не видел, чтобы
он приходил с обратной стороны. Только в последний день.
Он держал за руку мальчика моего возраста.

Историю о мальчике Коломба уже знала. Это была самая
противоречивая часть показаний, которые дал Данте сразу
после освобождения. На бумаге они казались неправдопо-
добными, но теперь, когда она слышала их своими ушами
со слов Данте, у нее сложилось иное впечатление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.